

• НЭНСИ МАУРО •

С
А
Х
А
Р
Н
Ы
Й

18+

В О Р

Авантюристки

Нэнси Мауро
Сахарный вор

«Издательство АСТ»

2022

УДК 821.111-312.4(73)

ББК 84(7Coe)-44

Мауро Н.

Сахарный вор / Н. Мауро — «Издательство АСТ»,
2022 — (Авантюристки)

ISBN 978-5-17-152050-2

Сабин Роуз — восходящая звезда социальных сетей: на ее канал о выпечке подписаны миллионы. Она амбициозна, честолюбива и готова пойти на все ради исполнения своей мечты. Ванда — талантливый продюсер Сабин, находящаяся всегда в тени. Именно Ванда до мельчайших деталей продумывает каждый ролик в Интернете. Без нее Сабин, в прямом и переносном смысле, как без рук. Ведь у кулинарного блогера есть свои секреты... Для запуска реалити-шоу на ТВ нужен яркий эпизод, поэтому Сабин вместе с Вандой отправляется в забытый богом городок, чтобы навестить своего отца, владельца семейной пекарни, с которым она поссорилась много лет назад. Благодаря «Персидской» булочке с розовой глазурью, рецепт которой он держит в секрете, отец Сабин стал легендой города. Но даже гениальная Ванда не могла предугадать, чем обернется для них визит в дом детства Сабин... Остроумная история о кулинарном блогере, итальянской пекарне, коварстве славы и, конечно же, о судьбоносной выпечке с розовой глазурью, из-за которой люди способны на убийство.

УДК 821.111-312.4(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-152050-2

© Мауро Н., 2022

© Издательство АСТ, 2022

Содержание

Глава первая	7
Глава вторая	11
Глава третья	16
Глава четвертая	18
Глава пятая	21
Глава шестая	23
Глава седьмая	28
Глава восьмая	35
Глава девятая	40
Глава десятая	42
Глава одиннадцатая	45
Глава двенадцатая	48
Глава тринадцатая	50
Глава четырнадцатая	53
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Нэнси Мауро Сахарный вор

Nancy Mauro

THE SUGAR THIEF

Печатается с разрешения литературных агентств

Stuart Krichevsky Literary Agency, Inc., и Andrew Nurnberg

Перевод с английского Анны Попковой

Оформление обложки Александра Воробьева

В книге присутствуют упоминания социальных сетей, относящихся к компании Meta, признанной в России экстремистской, и чья деятельность в России запрещена.

Copyright © 2022 Nancy Mauro

© Попкова А., перевод, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

* * *

*Лоре и Саше,
а также Джошу*

Глава первая

Ванда

Пассажиров рейса 908 трясло от страха смерти, но после часа, проведенного в неоткидываемом кресле рядом с туалетом, идея умереть меня даже грела. Мужчина рядом опустил голову на колени, сквозь волосы виднелась его нежная розовая кожа головы. Все остальные, казалось, смирились с той жуткой, душераздирающей тишиной, которая всегда предшествовала катастрофе. Снаружи в самолет били потоки турбулентности, прыгающий свет на кончиках крыльев был единственным признаком того, что в сером небе вообще что-то было. Но когда я отвернулась от окна, то заметила кое-что похуже.

Ее. Солнцезащитные очки, волосы убраны под золотой тюрбан. Она неслась по проходу, будто один из четырех всадников Апокалипсиса. Турбулентность раскачивала нас туда-сюда, но Сабин хваталась за все, что оказывалось у нее под рукой, чтобы не упасть: спинку сиденья, багажный отсек, чью-то прическу. У меня с собой был телефон, поэтому я просто нажала на кнопку записи и съезжилась на своем кресле.

Она не пожелала доплачивать за выбор места, поэтому все мы сидели по отдельности. Она впереди, я сзади, а Пол на несколько рядов передо мной, у окна. Сабин остановилась у его ряда, и я заметила, как она перегнулась через какую-то бедную женщину у прохода, чтобы встряхнуть его. Судя по силе ее хватки, он спал. Ну еще бы, Пола не беспокоят такие вещи, как наша неминуемая смерть над Верхним озером.

Вдобавок к тряске, двухвинтовой самолет внезапно начал терять высоту. Моя задница приподнялась над сиденьем примерно на дюйм, настолько, насколько позволил ремень безопасности. Звуки нервного смеха заполнили герметичное пространство. Мне удалось удержать трубку, пока пилот говорил что-то искаженным баритоном по интеркому. Сабин все еще была на ногах. Стюардесса заспешила к ней по проходу, цепляясь за подголовники, ее лицо сжалось в сердитый узел.

– Мадам, вам обязательно нужно сесть!

Сабин проигнорировала ее.

Наконец я заметила макушку выпрямившегося Пола.

– Да брось, ты что, спишь? – поразила Сабин. – Немедленно включай камеру.

Конечно, она была права. Как ее директор по социальным сетям, я знала, что она все делала верно. История явно имела вирусный потенциал. Ведь это моя работа – находить вирусный потенциал во всем, что делала Сабин. Я просунула телефон между сиденьями. Пять миллионов подписчиков на YouTube пришли к нам не только из-за ее рецептов выпечки – им нужен бэкстейдж. А что может быть лучше, чем Сабин Роуз, сногшибательная черноглазая хулиганка и кондитер-вундеркинд, которая прощается с жизнью в полной уверенности, что вот-вот погибнет в огне авиакатастрофы?

За исключением того, что она ни капельки не выглядела напуганной.

– Вам нужно немедленно вернуться на свое место. – Стюардесса все-таки добралась до нее, слегка запыхавшись. – Это очень опасно.

Сабин повернулась к ней. Тюрбан делал ее на целый фут выше любой другой женщины.

– То, что я делаю, так уж опасно?

Стюардесса кивнула.

– Верно, а теперь, пожалуйста...

– Опасно то, что делают эти два чертовых идиота в кабине пилотов!

Я стиснула зубы. Ругаться плохо для кадра.

Не то чтобы я буду это использовать. Материал попадет только в файл «Не для всех». Нужно же знать границы.

Несмотря ни на что.

Моя задача состояла в том, чтобы превращать ее гиперэмоциональность в контент. Выбор у меня большой. Сабин была склонна к эмоциональным взрывам и нервным срывам. Она слишком остро реагировала, не могла выполнять сразу несколько задач и не терпела несправедливости. Я показывала ее чувства, и, как оказалось, возможно, слишком хорошо справлялась с этим.

Я старалась не возвращаться к мыслям, но они преследовали меня. *Сделка. Точнее, предстоящая сделка.* Мысли о ней часто были нелогичны. Например, прямо сейчас я задавалась вопросом, поспособствует ли ей крушение самолета?

– Проходи, рядом со мной есть свободное место. – Сабин повернулась к Полу. – Не бери с собой телефон, я сама все сделаю. Убери камеру!

Как я уже говорила, Сабин все делает правильно. Поэтому-то мы и находились здесь, в этом самолете. Она не была дома почти десять лет, но мы решили, что она должна посетить большой семейный праздник и сфотографироваться с отцом, местной легендой выпечки. Ей нужно выглядеть искренней, чувствительной, верным отпрыском кулинарного гения.

А мы?

Ну, куда Сабин, туда и мы с Полом.

Я увидела, как он схватил камеру и попытался встать со своего места.

В маленьком самолете было тесно, и он ударился головой о багажные полки, отвлекая внимание людей от турбулентности. Сабин уже возвращалась в переднюю часть самолета, хватаясь на ходу за плечи пассажиров.

Ситуация стала напряженной с тех самых пор, как мы достигли критической массы подписчиков. Мы находились на пороге того, чтобы воспользоваться этой интернет-славой и превратить ее в шоу для стримингового сервиса. С той минуты, как я вошла в новомодное лобби Netflix в Торонто, напоминающее Таймс – сквер с огромными экранами, транслирующими бесконечный контент, я обдумывала каждое движение, как если бы оно было винтиком в сложном механизме, решающим, дать ли зеленый свет нашему шоу. Предложат ли они контракт?

Сложный вопрос. Сабин неидеальна, но они дали нам понять, что и как нужно делать. Как нарастить ей броню, чтобы, когда она будет загружена в большой алгоритм Netflix, их инвестиции окупились. Им нравилась Сабин. Нравилась ее статистика. Но шоу было моей идеей. Я написала его, раскрутила, потела над ним. Да, оно зависело от ее статуса знаменитости, но ведь я написала сценарий.

Однако меня очень беспокоило то, что я не нравилась людям из Netflix.

Это было видно по тому, как они обращались со мной – как с приложением. На бизнес-встрече принесли Сабин газированную воду и дали мне то же самое, предполагая, видимо, что я хочу того же, чего и она. Это и понятно: на любом рабочем месте трудно сохранять индивидуальность, когда тебя рассматривают в первую очередь как вспомогательный персонал.

Это не паранойя, а даже если и она, меня сложно было бы в этом винить. Со мной случилось много плохого, много дурных вещей.

Так что, если не считать мелочей и паранойи, оставалась лишь разумная тревога, имеющая под собой основания. Естественное беспокойство по поводу того, что команда разработчиков подсознательно будет брать пример с Сабин. Я для нее своего рода средство достижения цели. Неизбежное зло, что неочевидно никому за пределами нашей маленькой компании из трех человек. Я не стремилась быть незаменимой, но за последние три года стала именно такой. Вот кем мы были друг для друга.

И Сабин, возможно, вполне достаточно. Этот факт заставлял меня паниковать куда больше, чем какая-то турбулентность.

– Сэр, вы не можете покинуть свое место! – Стюардесса, проиграв одну битву, теперь попыталась встать перед Полом.

На мгновение мне показалось, что он собирался сесть обратно, но вместо этого Пол одернул футболку с надписью Dim Sum and Then Some и изображением танцующей пельмешки и протиснулся мимо женщины.

– Она заплатила за мой билет, – бросил он, потому что знал, с какой стороны дул ветер. Мы оба знали.

В САМОЛЕТЕ – ДЕНЬ

САБИН ПРИГНУЛАСЬ ВО ВРЕМЯ СИЛЬНОЙ ТУРБУЛЕНТНОСТИ.

ПАКЕТ ПЕЧЕНЬЯ НА ПОДНОСЕ ПЕРЕД НЕЙ ОТКРЫТ.

САБИН

Добро пожаловать обратно в Sweet Rush, мы сейчас в довольно опасном полете над Верхним озером! Молюсь о том, чтобы после того, как я посвятила свою жизнь отличной выпечке, эти ужасные самолетные печенье не были последним, что я когда-либо ела!

КРУПНЫЙ ПЛАН:

САБИН ХВАТАЕТСЯ ЗА ПОДЛОКОТНИК,

КОГДА САМОЛЕТ ВСТРЯХИВАЕТ.

СНОВА САБИН

Мы летим из Торонто в Тандер-Бей, Онтарио – это далеко на север, рядом с нашими американскими друзьями – чтобы отпраздновать сороковую годовщину пекарни моей семьи! Заходите к нам в Sweet Rush на выходных. Мы покажем вам лучшую в мире выпечку от моего отца, в том числе и легендарную «Персидскую».

САМОЛЕТ КРЕНИТСЯ ПОД КРУТЫМ УГЛОМ —

ЕЕ НАПИТОК ПРОЛИВАЕТСЯ.

СНОВА САБИН

Это если мы выживем! (НЕРВНЫЙ СМЕХ) И если вы сейчас подумали: «Персидская»? Что это вообще такое? Тогда оставайтесь с нами. Мы посвятим вас в тайны сверхсекретного рецепта моего отца...

ЕЩЕ ОДНА ВОЛНА ТУРБУЛЕНТНОСТИ,

КАМЕРА ПАДАЕТ. КРИКИ ПАССАЖИРОВ.

КАМЕРА ФОКУСИРУЕТСЯ НА СИДЕНЬЯХ И НА ТОМ,

КАК ЛЮДИ ПЫТАЮТСЯ УСПОКОИТЬСЯ,

ПРЕЖДЕ ЧЕМ ВОЗВРАЩАЕТСЯ К САБИН.

СНОВА САБИН

...И узнаете, как эта булочка со странным названием прославила пекарню моей семьи. Так что закатайте рукава и наслаждайтесь!

Глава вторая

Сабин

Еще на отметке в три миллиона подписчиков мой агент Коллетт предупредила, что нет конца количеству людей, желающих унижить тебя в Интернете, и что всякий раз, когда я отворачиваю камеру от выпечки и направляю ее на себя, мне нужно помнить об этом.

Эти слова, сказанные одним из самых успешных людей в бизнесе, я постаралась принять близко к сердцу. В прошлом месяце я встала боком перед зеркалом и, не надев ничего, кроме пары носочков, сделала несколько хороших снимков себя вполоборота. Затем обрезала их до изгиба бедра и темно-зеленого венчика, выбитого на нем чернилами. И вуаля – сорок семь тысяч реакций в Instagram¹. Обрезка – это то, что отделяет искусство от порнографии.

Эти фото татуировок оказались одними из моих самых успешных постов. Пряничный человечек, вылезавший из декольте, набрал небывало много откликов. А черные дрозды, вылетающие из отверстия в корке пирога на пояснице, отправили мое аналитическое приложение в штопор² (особенно после того, как кто-то заметил, что бельевая веревка, на которой сидит горстка птиц, на самом деле была ниткой моих стрингов).

Но Коллетт на это только скорчила гримасу, как будто я совершенно неправильно ее поняла. Она сказала отказаться от тактики кликбейта. Ее цель – сделать меня мягче. Чтобы я была близкой, настоящей. Более нежной и приземленной. Она хотела, чтобы я ограничила себя в том, что публикую в Instagram (слишком просто, слишком тщательно выверено, слишком фальшиво) и сосредоточилась на YouTube-канале. Камера, настоящие эмоции. Это будет более актуально для шоу, которое мы представляем Netflix.

Именно для этого Пол снял несколько хороших кадров, на которых я паникую и хватаюсь за подлокотник, выдавая сценарий Ванды. Я даже сделала несколько быстрых огненных вдохов, которым научилась на занятиях йогой, но, честно говоря, мне не было страшно. Возможно, это как-то связано с двумя таблетками успокоительного, которые я проглотила в баре аэропорта перед посадкой.

На сиденье рядом со мной Пол уже отсматривал материал на дисплее камеры. Тогда я и заметила, что турбулентность прошла.

– Кажется, сегодня мы не умрем, – заметила я.

Пол кивнул. Он был немногословным оператором, и я это ценила. Я посмотрела в окно. Береговая линия начала проступать сквозь грязно-серые облака внизу, и я испытала странные ощущения, не имеющие ничего общего с изменением высоты полета. Не то чтобы у меня была какая-то драматическая размолвка с семьей много лет назад – никакой серьезной боли, так, банальная чушь с отсутствующим родителем. Надеюсь, все это замнется, когда мы с отцом встретимся лицом к лицу. В конце концов, праздник же.

Теперь задача состояла в том, чтобы наделать несколько эпизодов во время этого визита и предоставить фанатам более глубокое погружение в мою жизнь – тактика, с которой я неохотно согласилась. Ванда напомнила мне, что в этот раз не будет ни обычной, ни скрытой рекламы. Я зарабатывала деньги тем, что пекла из муки Robin Hood и тающих конфеток Wilton на YouTube-канале. Люди чувствовали нативную рекламу и не стеснялись указывать на это. Проблема была в том, что чем успешнее я становилась, чем больше у меня появлялось спонсоров и рекламных интеграций, которые я должна была делать, тем больше зрителей замечали это.

¹ Соцсеть Instagram принадлежит компании Мета, которая признана экстремистской организацией. Её деятельность запрещена в России.

² Отправить в штопор – выражение, означающее падение, попадание в безвыходную ситуацию, крах. В данном случае – приложение сломалось (*прим. ред.*).

Всего один невнятный комментарий спровоцировал ролик, на написание сценария, съемку и монтаж которого у нас ушла целая неделя.

Вот почему сделка с Netflix должна состояться. Это одна из тех вещей, на которые просят особо не рассчитывать, но после почти года, в течение которых Коллетт и ее агентство гонялись за продюсерами от моего имени, странно было бы притворяться, что я не думала об этом. Иметь собственное шоу было бы большим скачком на пути к телевидению, а не об этом ли мечтает каждый ютубер.

На прошлой неделе у нас появился шанс. Коллетт, Ванда и я провели три дня, представляя наше конкурсное шоу «Что в твоей кладовой?» руководителям отдела разработки шоу без сценария в Netflix (звучит впечатляюще, но все это заключалось лишь во встречах в разных залах заседаний с тремя тридцатилетними работниками по имени Бри, Бритт и Бретт). В нашем шоу мы с Вандой устраиваем сюрпризы пекарям-любителям. Но после трех дней рукопожатий и энергичных улыбок стало казаться, что именно сотрудники Netflix бросили нам финальный вызов.

* * *

Наша последняя встреча с командой разработчиков произошла за столиком в L'Élan в Йорквилле. Принесли коктейли, и мы каким-то образом достигли той стадии знакомства, когда Бри, Бритт и Бретт – трехголовый Цербер, как называла их Коллетт, – начали рассказывать о своем происхождении. В основном это были скучные истории о детстве в пригороде Торонто. Я заметила, как Ванда перекинула одну из своих кос через плечо и огладила ее. В двадцать восемь лет она все еще жила с родителями и выглядела соответственно. По привычке я быстро осмотрела ее руки, ногти, состояние кутикулы (сухая, она любит ее грызть). Каждую неделю или около того мы ходили с ней на маникюр, я платила. У нее сильные руки пекаря. Вот почему я наняла ее в качестве своей помощницы.

Ванда уставилась на Цербера большими немигающими глазами. Могла поклясться, что она отчаянно хотела принять участие в разговоре, но никто не давал ей и слова вставить. Да и я не была готова к тому, что слетело тогда с ее губ.

– А Сабин из Тандер-Бей, – заявила Ванда. – Из настоящей пекарской династии.

Бритт посмотрела на конец стола, как будто удивилась, обнаружив ее там.

– А я-то думала, что она родилась в раковине, из морской пены.

Ванда поправила очки на носу. Она обычно делала это не пальцем, а морща лицо и кривя верхнюю губу, пока волшебным и гротескным образом очки в прозрачной оправе не вставали на место прямо под ее челкой.

– Ее отец готовит булочку под названием «Персидская» по секретному рецепту. Он своего рода знаменитость.

Я сделала большой глоток второго кроваво-апельсинового мартини, еле удерживаясь от того, чтобы посоветовать Ванде заткнуться. Но внимание продюсеров уже было привлечено. Повеяло гендерно-нейтральным ароматом, когда все три головы одновременно повернулись в сторону Ванды. Она села немного прямее, ободренная. Это был первый раз за все время наших встреч, когда Цербер проявил интерес к тому, что она хотела сказать.

– «Персидская»? – Бритт перекатила ножку бокала с вином между длинными загорелыми пальцами. – Как кот? Или ковер?

– Или как Ближневосточная империя, – добавила Ванда, доставая телефон. – Ее происхождение остается загадкой.

– Как экзотично, – отозвался Бретт, поправляя льняную тунику землистого цвета.

На самом деле «Персидская» и экзотика – вещи прямо противоположные. Это глазированное кондитерское изделие, изобретенное в Северо-Западном Онтарио, а название придумал и скормил журналистам мой дядя.

– Не могу поверить, что вы никогда не слышали о ней. – Ванда стучала по своему экрану. – Люди выстраиваются в очередь за ними каждый день. – У меня тут есть статья из New York Times...

С дальнего конца стола Коллетт пристально смотрела на меня, как бы говоря: «Утихомирь ее». Она злилась на Ванду, которая в тот момент вводила нас все дальше от цели ланча – заставить этих людей вложиться в наше шоу. Кроме того, инстинкты старой школы Коллетт подсказывали ей, что мне лучше не ассоциироваться с розовой булочкой, обжаренной во фритюре, из какого-нибудь захолустного городка, независимо от того, насколько они популярны в Instagram.

Но продюсеры уже склонились над телефоном Ванды, чтобы получше рассмотреть булочку.

– Что это, собственно, такое? Пончик?

– Что-то вроде венской выпечки, – взволнованно объясняла Ванда, пролистывая фотографии людей, запихивающих булочки в рот. – Или пончика из слоеного теста без дырочки. Даже Сабин не знает секретного рецепта.

– Да просто глупая местная традиция, – отмахнулась я, наконец поставив пустой стакан прямо на салфетку. – Так, для туристов.

Она бросила на меня укоряющий взгляд.

– Скажи это «Залу кулинарной славы».

Особенность Ванды в том, что, хотя она и прирожденная рукодельница (я нашла ее в маленькой грязной пекарне на Дандас-Уэст, где она готовила потрясающую выпечку), у нее была уникальная способность становиться тем, кто вам нужен – чирлидером, экспертом по связям с общественностью – еще до того, как вы поймете, что он вам нужен. Короче говоря, между нами существовала некая нездоровая связь, о которой я не любила слишком глубоко задумываться.

– «Фрэнсис Роуз отмечает сорокалетний юбилей в кондитерском деле» – как это мило! – прошебетала Бри, отрываясь от телефона. – Это твой отец?

Я кивнула. Знала о годовщине, не совсем же я отдалилась от семьи. Жизнь унесла меня за тысячу миль от них, но zia³ Стелла по-прежнему звонила раз в месяц, чтобы прокомментировать мои видео, вес и рецепты.

– Похоже, будет вечеринка. – Бретт выхватил телефон из рук Ванды. – Надеюсь, ты поедешь?

– Ни за что. – Я обхватила пустой бокал и подала знак официанту.

Коллетт бросила на меня еще один испепеляющий взгляд. Полагаю, это было связано с третьим martini, но я ведь отлично знала, *что* в той дорожной кофейной кружке, которую она повсюду таскала с собой.

– О, но тебе нужно поехать. – Бретт вернул телефон Ванде. – Мы только что говорили об этом, правда? – Он оглядел своих коллег.

– У тебя такая замечательная история, Сабин, – сказала Бри. – Но кое-что...

– Упускается, – подсказала Бритт. Она явно была леди-боссом.

Я откинулась на спинку стула, сложила пальцы вместе и почувствовала глубокое раздражение, несмотря на медленно разогревающийся во мне джин. Что упускается? Моя жизнь – открытая книга. Нельзя набрать столько подписчиков, сколько есть у меня, будучи отшельницей. Добавьте к этому две кулинарные книги, ставшие бестселлерами New York Times (третья,

³ Тетя (итал.).

просроченная, не в счет), регулярное появление на утреннем шоу CTV «Доброе утро, Канада», кучу наград Streamy, которые я получила, линию посуды, которую запустила совместно с Food Network, все статьи в Food & Wine, журнале Toronto Life, The Globe и Mail – и это неполный список. Думаю, что за пять лет я охватила больше публичных площадок, чем большинство людей за всю жизнь.

Ванда нахмурилась. Это она открыла эту вонючую банку с червями. Sweet Rush – одно из самых популярных шоу о выпечке на YouTube. Сабин неизменно входила в тройку лучших ютуберов страны – с тех пор, как пять лет назад разразился скандал со свадебным тортом. Она была не какая-то однодневка.

– Конечно, – улыбнулась Бри. Мне показалось, что они по очереди улыбнулись одной и той же хрупкой улыбкой. – Но речь идет не о пиаре. Мы знаем все о свадебном торте, о романе с Рейнольдсом Уитакером. Женщина, которая в одиночку сразила самого прославленного шеф-повара города, отмеченного звездой Мишлен...

– Номинация в журнале Forbes, – подсказала Ванда.

– Топ-инфлюенсер в сфере питания. – Бретт кивнула. – Мы все это знаем.

Я заметила, как Колеет в конце стола пробудила к жизни инстинкты агента. Она достала из сумочки ручку и блокнот. Вот он, настоящий разговор, к которому мы готовились целый год и еще неделю танцевали вокруг да около. Продюсеры собирались поделиться со мной своими мыслями.

– Ты крепкий орешек, – продолжила Бритт. Ее тон подразумевал, что все было хорошо, но не совсем. – Но тебе не хватает уязвимости.

– Уязвимости, да! – Бретт щелкнул пальцами. Это был осуждающий, убедительный звук. – В каждом эпизоде «Что в твоей кладовой?» люди будут уязвимы. Они приглашают вас в свои дома, на свои кухни, позволяют снимать их детей и собак, их глубокое желание стать профессиональными кондитерами. Соревнуются за шанс стать следующей звездой телевизионной выпечки. Но что ты даешь им взамен?

– Шанс стать следующей звездой телевизионной выпечки, – отрезала я. Потому что именно так это шоу и будет работать. Ванда и я без предупреждения навещаем двух разных пекарей-любителей в их домах и предлагаем им задание: испечь что-то только из тех ингредиентов, которые случайно оказались у них под рукой. Затем мы сталкиваем их лицом к лицу и оцениваем то, что получилось. Это вроде как реалити-шоу. Практически. Участники, разумеется, соглашаются на это испытание, но им не говорят, когда именно мы появимся. Как только они приглашают нас войти, у них есть два часа, чтобы доказать свой подлинный кулинарный талант. Это что-то значит. Зрители увидят, как они трудятся. Тем временем мы заглядываем «за кулисы» и сравниваем их дома, образы жизни, детей. Вы будете болеть за мать-одиночку с двумя детьми, живущую в пригороде? Или за несостоявшегося актера, снимающего квартиру-студию в центре города? Каждый участник получает право на один звуковой сигнал за эпизод. Это означает, что мы останавливаем часы и они могут сделать специальный запрос на ингредиент, которого им не хватает. Побольше сливочного масла или сахара, которые мы им привезем. Еще они могут попросить о помощи: Ванда закатает рукава и взобьет яйца с сахаром в швейцарскую меренгу или сделает все, что потребуется.

Мы написали пилотный эпизод – ну, Ванда написала пилотный эпизод, – чтобы аккуратно вписаться в шаблон реалити-шоу. Он имел клишированную структуру с достаточным количеством отхождений, чтобы заставить людей потерять формулу из виду.

– Я судья, – ответила я Церберу. – Вот и вся моя роль.

Они смотрели на меня так, словно видели в первый раз. Наверняка оценивали. Тридцать пять лет. Бывшая модель – не буду отрицать, внешность помогла мне добиться успеха. Темные волосы, черные глаза, оливковая кожа и широкий рот. Ровные белые зубы, которые просто необходимы для любого приема пищи на камеру. Я не была худой с тех пор, как перестала

на постоянной основе употреблять наркотики, но какой хороший пекарь будет худым? Тем не менее, моя одежда или легко свисала с меня, или вызывающе прилипала к телу. Я всегда была готова к съемке. Вот что они видели.

– Но располагаешь ли ты к себе? – Мои брови, должно быть, взлетели до линии роста волос, потому что Бри быстро обвела рукой стол. – Очевидно, что нас – да. Но аудитория – это совсем другое дело.

– Давайте спросим алгоритмы, – парировала я. Или джин парировал. Я понимала, что все, что делают эти люди, каждый их шаг, основан на какой-то чертовой машине. Я повернулась к Ванде, которая была занята тем, что ковыряла языком кусочки льда в своем стакане. Пришло ее время выполнить работу хранительницы моей империи социальных сетей и поделиться некоторыми с трудом добытыми статистическими данными. Сейчас все зависело от точности.

Верная себе, Ванда поставила бокал и наклонилась вперед.

– У Сабин более шести миллионов подписчиков на платформах социальных сетей, так что я бы сказала, что да.

Но Бритт снова посмотрела на меня.

– Телевидение – это немного другое.

– Мужчинам намного проще, – сочувственно сказала Бри. – Ты будешь и судьей, и присяжными, – добавила Бретт. – И плохим полицейским.

– Если бы только у тебя был ребенок, – вздохнула Бритт.

– Или собака, – предложила Бри. – Собаки вызывают симпатию.

– У меня аллергия, – заявила я. – И на собак, и на детей.

Какой был смысл в обхаживании, которым мы занимались всю неделю, – а на самом деле весь год, – если они не собирались давать зеленый свет нашему шоу? Мой стул слегка покачнулся на садовом гравии. Я опустила руку на стол, чтобы не упасть, но приложила слишком много силы, и столовое серебро громко зазвенело.

Коллетт начала быстро щелкать ручкой одной рукой. Она протянула через стол другую и положила ее на мою. Это должно было выглядеть как жест доброты, но на ощупь было похоже на железные тиски.

– Итак, насколько я понимаю, – начала она ободряющим тоном, – у вас есть для нас несколько заметок.

Щелчок механической ручки сработал. Все взгляды устремились на руку Коллетт. Облако мозгового штурма рассеялось, и три продюсера откинулись на спинки стульев, больше не соединяя свои мысли в один нейронный путь.

Коллетт улыбнулась акульей улыбкой, за которую я платила ей пятнадцать процентов от своего заработка. Она знала, что все, что происходит сейчас, повлияет на наше шоу.

– Мы принесли вам сценарий «Что в твоей кладовой?», чтобы сотрудничать. Так что если вам кажется, что Сабин следует что-то сделать для своей репутации, мы прислушаемся.

Официантка подошла принять наши заказы, но Бритт отмахнулась от нее. Проработав в ресторанах десять лет, я начала презирать этот жест. Но это заставило меня осознать определенный факт. Мы были там не для того, чтобы сотрудничать. У Цербера было свое видение в трех их головах, и мы либо соответствовали ему, либо нет.

– Давайте начнем с тех булочек, о которых упоминала Ванда.

Глава третья

Ванда

Сабин шла так медленно, и я начала подозревать, что она была под веществами и нам придется нести ее по трапу к терминалу.

Это был бы не первый раз.

– Приготовьтесь к сцене, – саркастически предупредила она, опираясь на мою руку. – Они не видели меня девять лет. Может, десять. Наверняка подерутся за право нести мой чемодан.

Я улыбнулась Полу. Было бы здорово, если бы хоть кто-нибудь захотел нести ее багаж.

– Вам двоим лучше будет затаиться на этих выходных, – продолжила она. – Тут люди неэффективные. Держитесь подальше от чужих глаз, но убедитесь, что все под контролем.

Ей не нужно было напоминать об этом Полу. Он всегда крепко держал камеру, балансируя ею на одном плече. За последние три года она практически стала частью его лица. Я всегда удивлялась, когда он опускал ее, открывая карие глаза и мягкий подбородок. Пол – довольно молчаливый тип. Выпускник технического колледжа, скакал по разным коммерческим проектам в качестве парня на подхвате, пока Сабин не взялась за него, позволив ему управляться с камерой. Теперь он снимал исключительно для нашего канала на YouTube, а я для него писала, продюсировала и редактировала.

Он уже прислал мне кадры, на которых Сабин притворно паниковала во время турбулентности. Мы с ним были слаженной командой.

Сабин шла так медленно, что я едва заметила, когда она остановилась. Стены прохода были увешаны рекламой местных предприятий. Она засмотрелась на одну, на которой была изображена девочка, сидящая со скрещенными ногами на ковре-самолете, парящем над зданием пекарни. Я отступила назад. Девушка на плакате была одета как джинн, с высоким хвостом и глазами, подведенными красным. Одной рукой она держала булочку, а у другой целовала кончики сложенных вместе пальцев. Облако розового дыма окутывало ее и ковер, образуя слова: *Bennett's Bakery! Сорок лет всемирно известной «Персидской»!*

Реклама была колоритной, но я помалкивала, потому что Пол снимал через мое плечо. Я снова уверилась в том, что инстинкты не обманули меня, когда мы приехали сюда на длинные выходные. Эти семейный бизнес с секретным рецептом и причудливая история успеха в маленьком городке – то, что нужно.

К тому времени, как мы покинули трап и оказались в маленьком здании терминала, остальных пассажиров уже не было видно. Желтый знак указывал на пункт прибытия, получения багажа и стоянку такси в одном направлении, а на другой рейс – вниз. Сабин на мгновение остановилась под знаком, словно ориентируясь. Затем я заметила, как она расправила плечи, поправила тюрбан Нормы Десмонд и бросилась к эскалатору. Я шла на шаг позади нее, Пол отстал еще больше. Мы вроде как позволяли ей чувствовать, что она сама занималась своими делами. Сабин безумно нервничала перед встречей с отцом. Он был успешным пекарем, о котором она никогда не упоминала и редко говорила.

Звучало идеально на мой вкус.

Мой-то отец звонил мне минимум два раза в день, несмотря на то что я жила с ними. Ни он, ни мать не могли распоряжаться деньгами, чтобы вести нормальную жизнь, и если бы не моя помощь с первоначальным взносом, у нас не было бы даже крыши над головой. Несмотря на то, что отец иммигрировал с Филиппин тридцать лет назад, его английский, как правило, подводил всякий раз, когда ему приходилось делать что-то хоть сколько-нибудь официальное, например, продлевать водительские права, платить за ипотеку или договариваться с соседями. Неважно, что мой семнадцатилетний брат Мэнни прекрасно справлялся бы с любой из этих

задач, именно я была старшей из четырех детей и единственной девочкой, так что я только и слышала *Ванда то* да *Ванда сё*. В моем возрасте я должна была нежиться на пляже и покупать красивую одежду, но вместо этого ходила на собеседования родителей и собрания близнецов, регулярно обыскивала ящики Мэнни на предмет наркотиков и отслеживала электронную почту отца, чтобы убедиться, что он не предлагал родственникам из своей старой страны место для проживания в новой.

Так что я была очень рада этой продолжительной поездке на выходные. Я ничуть не пожалела о том, что Сабин позволила втянуть себя в это во время обеда с «Цербером». Они хотели видеть ее корни. Мне бы тоже хотелось на них посмотреть.

Сабин тщательно подготовила историю своего пути к успеху. В этой части для меня не было никакой тайны. Шаги были просты: быть красивой, выбрать нишу, переспать с важной шишкой, а затем дождаться подходящего момента, чтобы сокрушить его и извлечь выгоду из его падения. Мне было ничуть не жалко Рейнольдса. Старичье вроде него уже должно было знать, что это та цена, которую ты платишь за возможность переспать с горячими молодыми женщинами. Расплата была всегда, просто в последнее время она заключалась в общественном порицании. Если ты достаточно глуп, чтобы пойти на это, что ж, пусть твоя голова покатится с плахи. А вот эта часть истории Сабин – те годы, которые она провела здесь, в этом изолированном северном городке – оставалась для меня неизвестной. И я не была уверена на сто процентов, что она сама осознавала, что она для нее значит.

Глава четвертая

Сабин

Только после того, как толпа вокруг багажной карусели поредела, я поняла, что никто не приехал забрать нас.

– Ты уверена, что сказала им правильный номер рейса? – спросила Ванда, хмурясь и посматривая в телефон. Она сидела под большим каное из березовой коры, подвешенным к потолку. Интересно, что если бы веревки порвались и лодка упала прямо на нее? Странно, и почему у меня возникла эта мысль.

– Они опаздывают, – бросила я, хотя и не знала наверняка.

– Мои отец, брат и мать звонят, даже если меня нет в городе часа два. – Она покачала головой. В семье Ванды всегда что-то было не так, она вечно о чем-то заботилась, и обычно это было связано с их домом в Паркдейле. Викторианский особняк, должно быть, стоил миллиона два с тех пор, как этот район окончательно пал жертвой имущественных войн в Торонто, но снаружи выглядел как развалюха. Сегодня днем, когда я остановилась, чтобы забрать ее по дороге в аэропорт, могу поспорить, водитель Uber подумал, что я ходила туда закупиться наркотиками. Я была внутри всего несколько раз: в полуразрушенном фойе всегда царил полумрак и пахло «Бенгаем», клейким рисом и спортивной обувью. Гостиная и столовая были превращены в бесплатные спальни для представителей различных ветвей семьи Окампо, которые просрочили свои туристические визы в поисках лучшей жизни. По словам Ванды, у ее отца слишком большое сердце. Недавно он отправил двадцать тысяч долларов четвероюродному брату, чей дом снесло ураганом. Я понимала, что такое эта «лучшая жизнь», ведь моя семья тоже ее искала. Только они нашли ее много лет назад, и гораздо более эгоистично. Мужчины приехали первыми, а их жены и дети последовали за ними с четкими указаниями не оставлять никому адреса для писем.

Раздвижные стеклянные двери открылись для последнего пассажира и впустили вечерний воздух, пропитанный ароматом авиатоплива и сосновой смолы, а за ним – слабый запах капусты из дымовых труб бумажной фабрики. Летом дни здесь длились вечно. Я сняла солнцезащитные очки и осмотрела зону прилета, которая служила и зонами выдачи багажа и регистрации. Ее переделали, но это все еще был тот же крошечный аэропорт моего детства. Когда покидаешь дом и не возвращаешься в течение многих лет, нет того человека, кто мог бы проверить точность твоих наблюдений. У меня не было ни братьев и сестер, которые могли бы оспорить мои слова, ни фотоальбомов, хранивших в себе краски и нюансы. У меня было лишь несколько воспоминаний, которые, как я полагала, были подлинными. Но со временем и они приобрели собственные форму и цвет.

Одно из них относилось к тому дню, когда я приехала сюда из Италии с бабушкой, тогда я была еще ребенком. Мой отец, Франческо Розетти, уже пять лет жил в Тандер-Бей. Он выучил английский, отказался от итальянского имени и превратился в успешного шеф-кондитера и совладельца процветающей пекарни. У меня было смутное воспоминание о том, как он приезжал за нами в этот самый аэропорт. Тогда прибыл мой корабль в новую жизнь, по-моему, момент был довольно кинематографичный. Мне было чуть больше четырех лет, а значит, мой отец никогда меня по-настоящему не видел. Почему-то я с самого начала разочаровалась.

Бабушка болтала о нем без умолку с тех пор, как мы сели в самолет в Неаполе. Мне сказали, что он пекарь, и поэтому я ждала, что на нем будет белый фартук. Вместо этого он больше походил на принца, элегантного в весеннем шерстяном пальто и рубашке из египетского хлопка. При росте шесть футов у него были плечи, похожие на квадратный дверной проем, настороженные темные глаза, безмятежный лоб. Красивый. Когда он увидел мою

бабушку, улыбка обнажила его широкую челюсть и белые зубы. Потом я узнала, что он редко ей пользовался. У него был прекрасный нос с горбинкой, сильный, без типично ястребиного вида, как у его соотечественников. Темные волосы были аккуратно подстрижены вокруг черепа, который можно было бы прокрутить на токарном станке. В Канаде он называл себя Фрэнсисом. Или, скорее, другие называли его Фрэнсисом, потому что он был не из тех, кто часто говорит о себе. Бабушка никогда бы так его не назвала. В возрасте четырех лет мое ухо уловило немного английского языка из телевизора в гостиной школы при аббатстве. Голос Фрэнсиса звучал женственно, но сам он таким не был.

Он еще не знал, каково это – быть отцом, поэтому, когда увидел меня, несмотря на все усилия выглядеть счастливым, он был скорее в шоке. Тело его напрялось. Если бы поблизости был стул, кто-нибудь наверняка попытался бы его усадить. Он посмотрел на меня так, словно пытался понять, откуда я взялась и как вернуть меня обратно, пока никто не заметил. Такого у меня не было в общении со взрослыми. Я была красивым ребенком, словно херувим из эпохи Возрождения, монахини часто спорили из-за того, кто будет расчесывать мои волосы. Но он даже не принес мне игрушку или что-нибудь еще, чтобы растопить лед, и в результате меня было не убедить поцеловать его или даже посмотреть ему в глаза.

Я была слишком высокая для своего возраста, крепкая, как дровяная печь, и не желала сидеть на месте. Пока носильщики выгружали наши вещи с багажной карусели, я пробиралась между чемоданами, всеми силами стараясь не мешать.

– Может, если она застрянет, это ее чему-нибудь научит, – задумчиво пробормотала бабушка по-итальянски.

Отец опустил на колени, положил руку мне на плечо и внимательно, без улыбки, посмотрел мне в лицо. Почему-то я была уверена, что увиденное ему не понравилось. Чтобы показать ему, что мне безразлично его мнение, я вырвалась и перекинула ноги через багажную ленту, выставив задницу на обозрение всего аэропорта.

– Да, ты был таким же, – сказала бабушка, как будто прочитав его мысли. – *Un diavolo in bicicletta*.

Дьявол на велосипеде. Такой я была.

* * *

– Как зовут твоего кузена? – Спустя десять минут ожидания Ванда выхватила мой телефон, начав прокручивать список контактов.

– Энцо, – ответила я.

– А фамилия?

– Ты думаешь, у меня в контактах полно людей по имени Энцо?

Ванда набрала номер и, скрестив ноги, наклонила голову набок. Я сразу поняла, когда Энцо ответил на звонок, потому что она выпрямилась и улыбнулась. Она всегда делала так, когда говорила по телефону.

– Нет, это ее помощница, Ванда. Мы ждем в аэропорту. – Она замолчала, а потом энергично закивала. – В Тандер-Бей.

Видимо, действие успокоительного прошло, потому что я почувствовала прилив раздражения на Энцо за то, что он забыл заехать за нами.

– Когда? – Ванда вскочила на ноги. Она шагнула к Полу, который, прислонившись к колонне, возился с камерой, и пробормотала ему что-то неразборчивое.

Потом она повернулась и зашагала ко мне, ее лицо приняло странное выражение.

– Когда? – снова спросила она, кусая уголок рта. – Мы в аэропорту. Сабин в аэропорту. Ждет. Тебя.

Я не понимала, зачем она повторяет все дважды. Наверное, их диалог был не очень-то замысловатый. Она опустила трубку.

– Это был твой кузен, – начала она.

– Я в курсе! – Я уронила сумку. Кажется, нам придется здесь задержаться. – Он и правда забыл! Вот маленький засранец.

– Сабин. – Она сглотнула. – Твой отец умер.

Глава пятая

Ванда

Когда мы забрались на заднее сиденье внедорожника Энцо, мне пришло в голову, что наш сюжет о празднике и о возвращении к корням внезапно свернул не туда, и непонятно, возможно ли его спасти с точки зрения пиара.

Друг Энцо, Маркус, был за рулем. Он довольно тихий, но Энцо с лихвой компенсировал его скромность. Несмотря на то, что мы мчались по шоссе, он не стал пристегивать ремень безопасности, чтобы повернуться к нам и поговорить.

– Поверить не могу, что ты привела съемочную группу на похороны своего отца. – Энцо мизинцем поправил кончик усов. Он был невысоким мужчиной со спортивным телосложением и быстрыми жестами, которые навели меня на мысль о его вспыльчивом характере. У него были карие глаза и острые черты лица, а выглядел он так, будто вполне мог укусить кого-то за руку.

– Я не знала, что он умер. – Сабин втиснулась между мной и Полом. Ее тюрбан начал раскручиваться, но она этого даже не заметила. – Никто не подумал позвонить мне до того, как я сяду в самолет?

Энцо выглядел искренне удивленным.

– Позвонить? Я ведь даже не забыл забрать тебя. У меня и так мозг взрывается. В доме моей матери сплошные плач и страдания, а что будет в пекарне, даже представить боюсь. У нас есть палатка и сотня складных стульев на стоянке, приготовили для юбилейной вечеринки. Итальянская группа прибудет из Виннипега. Мой отец все такой же, какой был, когда ты уезжала, – самый невозможный человек из живущих на земле. Твой отец был единственным, кто держал нас всех вместе. – Рот Энцо дернулся. Он повернулся и откинулся на сиденье.

Сабин смотрела мимо Пола, в окно – туда, где проносился северный лес.

– Что случилось?

Энцо снова повернулся и схватился за подголовник.

– Он не болел, ничего такого. Вчера, как обычно, был в пекарне – спорил с отцом, проводил инвентаризацию, разговаривал с покупателями. Они собирались запустить фейерверк с крыши в конце выходных. Все было нормально. А потом он поехал домой обедать и – бах!

– Он же не взорвался, Энцо, – вмешался Маркус. – У него был обширный инфаркт.

– Это случилось дома?

Энцо какое-то время изучал лицо кухни.

– Он не мучился. – Сабин кивнула. Она не сводила глаз с окна. – Еще кое-что. Ты ведь понимаешь, что моя мать не стала менее вспыльчивой за последние девять лет, да? Она собирается тебе всю плешь проесть.

Сабин застонала и потянулась к сумочке. Мы обе пользовались одним и тем же темно-коричневым лаком для ногтей «Vign Baby Vign». Ее руки дрожали, пока она рылась в сумке.

– Энцо, не стоит ей выслушивать это прямо сейчас. – Маркус перестроился в правый ряд. – Помнишь наш небольшой разговор о чувствах?

Сабин нашла пузырек с таблетками, но у нее никак не получалось снять с него крышку. Я отобрала его и открыла.

– Сколько? – спросила я.

– Много.

Я дала ей две.

Сабин в этом плане была наивна. Она полагала, что может просто выпить таблетки или занюхнуть дорожку – загрузить организм любой химией, – тогда все образуется, как это было

раньше. Вероятно потому, что она никогда не видела ту работу, которую я делала где-то на заднем плане.

– А я не сказал ничего, чего она не знала, – парировал Энцо. – Она же не приезжала сюда почти десять лет. Готов поспорить, ее итальянской семье будет что сказать по этому поводу. И ты лучше всех должен понимать, что я имею в виду.

– Только не вмешивай в это нас. – Маркус посигналил и резко свернул на короткий съезд с шоссе так, что мы втроем на заднем сиденье прижались к одной двери. – Забавно, что ты думаешь, будто это твой отец невыносим.

Мне нужно было думать трезво, ради нас всех, потому что мы приехали сюда ради окончательной сделки с Netflix, чтобы показать им радостные кадры встречи отца и дочери. Но этого не случится. А на похороны никто смотреть не захочет.

Сабин подняла голову, когда деревья стали реже и мы въехали в жилой квартал. Глаза ее остекленели, губы распухли, по лицу текли слезы. Иногда я забывала о том, как она на самом деле прекрасна. Я повернулась к Полу. Камера небрежно лежала у него на коленях, но я могла поклясться, что он внимательно смотрел на маленький экран.

– Куда мы едем? – спросила она.

– К моей матери. Нужно разобраться с этим прямо сейчас. – На этот раз Энцо бросил взгляд на меня и Пола. – А еще я бы не советовал тащить за собой целую команду.

– Я знаю, что это выглядит странно, – ответила я так чувственно, как только могла, – но мы вроде как животные для эмоциональной поддержки. – Я взяла руку Сабин и сжала ее, не ожидая ничего взамен, просто чтобы поддержать. Но Сабин легонько сжала мою руку в ответ.

– Куда бы она ни пошла, – продолжила я, – мы пойдем с ней.

Глава шестая

Сабин

Я была той маленькой девочкой на ковре-самолете. Мое лицо красовалось на каждой коробке с выпечкой, пластиковом пакете и рекламе, на всем, что было связано с этой пекарней. В возрасте от восьми до двенадцати лет я надевала розовый атласный костюм джинна с прозрачным животом и открытыми плечами и выступала на автомойках, играх малой лиги и церковных базарах. Я была на любом мероприятии, которое спонсировала пекарня, стучала тарелками и махала толпе, пока мы раздавали коробки с «Персидскими». Хотя внешне я выглядела как что-то среднее между девушкой из гарема и танцовщицей живота, все называли меня персидской принцессой. Лицо открыло мне дорогу в жизнь, и, хотя мне было всего восемь лет, я интуитивно понимала, что мне выпал шанс стать полезной для отца.

Семейный бизнес и так процветал, поэтому дяде Данте понадобились годы, чтобы убедить отца рекламировать «Персидские». Тот всегда полагал: если они и так популярны, то зачем тратить лишние деньги? Мистер Беннетт, прежний владелец, даже не потрудился повесить вывеску снаружи! Когда Данте напомнил, что мистер Беннетт чуть не довел бизнес до банкротства (именно поэтому два кузена-иммигранта смогли его выкупить), мой отец, наконец, сдался.

Когда мужчины отправились подписывать рекламный контракт с журналом «Кроникл», это был один из редких случаев, когда отец взял меня с собой. Я сидела на мягком кожаном диване в задней части комнаты, пока отец и дядя наблюдали, как менеджер по продажам хмурился над предложенным слоганом, который они ему принесли.

BENNETT'S BAKERY.

РОДИНА БУЛОЧКИ «ПЕРСИДСКАЯ»!

Он оглядел их снизу вверх.

– Что это, черт возьми, такое?

– Объявление – для публикации в вашей газете. – Дядя Данте наклонился вперед над столом, округлые плечи его пиджака угрожающе расплзлись по швам. – А ты думаешь, мы здесь зачем?

– Это я понимаю. Но почему меня должно это зацепить?

Отец свирепо глянул на менеджера по продажам. Данте отвечал за заключение сделок и ту механическую работу, которая так необходима для дела. Но Фрэнсис был кондитером, и объяснять свою работу было ниже его достоинства.

– Это наш бестселлер, «Персидская». Булочка из поднявшегося теста с корицей. – Потом он описал спиралевидную форму маленькой выпечки и то, как она тает на языке.

– Мне все еще плевать, а вы потратили целых пять минут на объяснения. – Менеджер постучал карандашом по столу. – Нужно придать им индивидуальность, чтобы они соответствовали своему названию. Скажите людям, что ваши булочки заставят их почувствовать себя Лоуренсом Аравийским. «Сезам, откройся», ну и все такое. Что нужно сделать, так это... – Он внезапно запнулся, заметив что-то в расщелине между двумя горами, которые представляли собой мой отец и дядя.

– Ну, привет, красавица.

Дядя с отцом обернулись, ожидая увидеть в дверях какую-нибудь сногшибательную красотку, но на диване оказалась только я.

– Это просто моя дочь, – нетерпеливо отмахнулся отец. – Она нам не мешает, заканчивай свою мысль.

Но мужчина выдвинул ящик стола и, не торопясь, просмотрел содержимое. Наконец он достал леденец и встал, чтобы отдать его мне.

– Ты хорошая девочка, да?

Он возвышался надо мной, предлагая конфету. В восемь лет я привыкла, что на меня так смотрели. Люди делали это постоянно, но обычно с безопасного расстояния. Сейчас же было слишком близко, казалось, что меня вдыхали, и я знала достаточно, чтобы понять, что мне это не нравится.

– Давай же, милая, – пробормотал он.

Но я все равно взяла леденец этого придурка, даже не глядя на отца, чтобы получить разрешение. Хотя я жила в его доме уже четыре года, но не узнала его достаточно хорошо, чтобы понять, разрешит ли он это. Уже тогда я решала все сама: всегда решала и всегда буду решать. Поэтому, когда мужчина наклонился и погладил меня по голове, я вздрогнула, но позволила ему это сделать.

Он вернулся к столу, все еще глядя на меня, а потом взял блокнот.

– Что нам нужно, так это посмотреть правде в глаза. – Он ткнул карандашом в пространство между мужчинами. – Особенно в эти.

Они оба снова повернулись, чтобы проследить воображаемую траекторию карандаша туда, где, посасывая леденец, сидела я. Менеджер начал что-то черкать в блокноте.

– Ты смотрела фильм «Аладдин», милая? – спросил он меня. – Помнишь, как принцесса летала на ковре-самолете? А тебе хотелось бы быть этой принцессой?

Я кивнула, хотя и не видела «Аладдина». Никому в моей семье не пришло бы в голову отказаться от единственного драгоценного воскресного дня, когда пекарня была закрыта, чтобы сводить меня в кино.

Мужчина вернулся к своему рисунку. Я соскользнула с дивана и подошла к столу, борясь с желанием сесть отцу на колени. Вместо этого я свесилась с его плеча, наблюдая, как мужчина набрасывает приблизительное изображение булочки «Персидская». Потом он нарисовал маленькую девочку с лицом в форме сердечка, конским хвостом и накрашенными глазами. Свободной рукой она хваталась за отвернутый край ковра, парящего на странице. Хотя набросок был грубый, я сразу поняла, что это была я – летела в небе на ковре с кисточками.

– Вот, что мы сделаем. Мы придадим пекарне визуальный облик. – Он подвел мне брови, плоской стороной карандаша подкрасил несуществующие бедра. – Это как с хлопьями – дети видят на коробке мультяшку, которая им нравится, и мамы покупают их. – Он взял блокнот, держа его на расстоянии вытянутой руки, и прищурился. – И теперь у вас есть своя собственная.

Он положил лист обратно и нацарапал слоган под фотографией:

НЕТ НИЧЕГО ВОЛШЕБНЕЕ, ЧЕМ «ПЕРСИДСКАЯ»!

Отец был разочарован. Но Данте обладал маркетинговым чутьем.

– Соль ведь самый обычный продукт, – начал дядя в тот вечер у себя дома, тыкая пальцем в рисунок, как будто давя муравьев. – Но Стелла каждый раз переплачивает только за то, чтобы купить именно ту, с маленькой девочкой и зонтиком.

– Это так, Франческо. – Zia Стелла тоже называла моего отца его настоящим именем. Она вытащила рисунок из-под руки мужа. – А что в этом плохого?

Он скрестил руки на груди.

– Я не хочу, чтобы ее лицо было во всех газетах.

Я выпрямилась. Мне не часто приходилось слышать, как отец говорит обо мне как о реальном, живом существе. Большую часть времени он смотрел на меня с таким озадаченным выражением лица, как будто понятия не имел, откуда я взялась.

– Но у нее красивое лицо, – возразила ему Стелла. – И кто знает, надолго ли это. Лучше извлечь из этого максимум выгоды прямо сейчас!

– Собачья морда, – огрызнулся Энцо со своего места. В шесть лет Энцо был единственным из нас, кто выглядел как шнауцер: маленький и жилистый, визжащий без остановки. И мой лучший друг. Я сильно пнула его, чтобы он заткнулся.

Отец откинулся на спинку стула и выудил зубочистку из кармана рубашки.

– У меня нет на это времени, Стелла. Мне нужно управлять пекарней, в которую ходит море людей.

– Я сошью костюм! – Стелла прижала рисунок к груди. – Я смогу, верно, Сабин?

Я энергично закивала.

– Разреши мне, папа, – умоляла я. – Я правда справлюсь.

Но лицо отца было суровым, непроницаемым.

– Для тебя это будет пустая трата времени, Стелла. Дети уже подросли. Ты нужна нам, чтобы работать за прилавком полный рабочий день, а не дурака валять.

– Дурака валять? – Ее брови взлетели вверх. – Думаешь, я *этим* занимаюсь?

Моя тетя была итальянской домохозяйкой, и ее обижал тот факт, что отец считал воспитание детей уклонением от ее обязанностей в пекарне.

– Я о том, что, если ты возьмешься за это, нам не нужно будет платить продавщице.

– А кто будет кормить детей? Отвозить их в школу и привозить обратно? – Стелла саркастически постучала себе по верхней губе. – О, подожди, Франческо, наверное, у тебя есть на примете доброволец?

– Стелла. – Данте отодвинул свой стул.

Она обернулась.

– А почему я не могу об этом сказать? Мы же все так думаем.

Дядя встал.

– Хватит!

– Данте, все в порядке. – Отец поднял руку, продолжая смотреть на тетю. Вероятно, в этот момент он понял, что ему уже не выиграть приз «Самый заботливый родитель» и что я, как юная девушка, нуждаюсь в женской руке и заботе. Он поковырялся зубочисткой во рту. – Ты позаботишься об этом?

Стелла расцвела.

– Мы просто сделаем несколько снимков для рекламы. Ничего страшного, Франческо.

Вот так скромно моя тетя начала короткую и яркую карьеру менеджера артиста. Она наняла швею и заказала атласный костюм с гофрированным вырезом, подолами и эластичными бретелями, которые должны были слегка врезаться мне в плечи, чтобы не слетать. Мы смотрели бесконечные повторы «Я мечтаю о Джинни» и тренировались, пока не сделали идеальные прическу и макияж. В конце концов Стелла гордо отказала фотостудии Сирса и наняла лучшего свадебного фотографа в городе, чтобы он снял меня, сидящую со скрещенными ногами и держащую булочку. Это был умный ход. Реклама стала настолько популярной, что в течение года превратилась в иллюстрации, которые были напечатаны на каждой картонной коробке, упаковке для тортов и салфетках, которые выдавали в пекарне. Два года спустя я начала сниматься в телевизионных рекламных роликах и на местной радиостанции. В конце каждой рекламы я появлялась с булочкой в руке и произносила свою знаменитую фразу: «Нет ничего волшебнее, чем «Персидская»!»

Мне нравилось быть местной знаменитостью. Дети в школе забывали о том, что когда-то я была девочкой, которая не говорила по-английски в детском саду. Теперь я была девочкой из телевизора. А еще мне нравилось не находиться рядом с бабушкой, которая все больше и больше времени проводила в спальне, смотря «Хантли-стрит, 100», хотя и ни слова из него не понимала. Мне вообще нравилось находиться вне дома. А самое главное, мне нравилось помогать отцу, помогать бизнесу, который так много значил для него.

– У нее так хорошо получается, Франческо, – рассказала ему тетя, когда мы вернулись в пекарню после выступления на ежегодном мероприятии клуба керлинга, наши металлические подносы с «Персидскими» были пусты. – Она так понравилась хозяину, что они заказали дюжину подносов с булочками для рождественской вечеринки.

Zia Стелла и я были хорошей командой. Каждый год она шила мне костюмы по росту. Она устраивала так, чтобы я вручала чеки на телемарафонах, пела на благотворительных обедах итальянского женского общества и выходила в толпу на спортивных мероприятиях под звон колокольчиков, раздавала детям автографы и бесплатные булочки. За три года общий объем заказов пекарни удвоился. У прилавка каждый день выстраивались очереди, но что еще важнее, наша выпечка всем нравилась. Конечно, успех пекарни не был прямым следствием моих усилий, но отец стал замечать меня. У других детей были папы, которые отвозили их в школу и учили кататься на велосипедах. Мой же был призраком, исчезавшим к тому времени, как я просыпалась утром, и приходившим домой измученным, покрытым тонким слоем муки. Теперь же он *видел* меня, время от времени поднимая большой палец вверх или похлопывая по плечу. За ужином он просил меня рассказать, сколько людей пришло на мероприятие, делая удивленное лицо, вне зависимости от того, сколько народу, по моим словам, там было. К тому времени, когда мне исполнилось двенадцать лет, мы выиграли тендеры на оптовую продажу хлеба школам, потом больницам, бумажной фабрике и кафетериям на элеваторах. Это были основные предприятия нашего города, и неожиданно причудливая пекарня, управляемая иммигрантами, начала делать их «хлеб насущный».

Что касается Стеллы, то она сдержала обещание «заняться» мной. Но и ее звезда взошла на небосклоне. Она была избрана президентом Итальянского женского благотворительного общества примерно тогда, когда наплыв толпы стал для нас невыносимым. Во время нашего последнего появления ее окружили еще до того, как она успела достать дюжину коробок с выпечкой из фургона.

– Это работа не для женщины, – увещевал ее отец, рассматривая вмятину на задней двери, оставленную голодной толпой. Тетя же молча наслаждалась результатами своей работы.

– Я подменю тебя на выходных, – сообщил он ей. – Пойду вместе с Сабин.

Я нервничала всю неделю перед первым появлением в качестве персидской принцессы вместе с отцом на игре малой лиги в парке Джорджа Берка. Что, если никто не придет за бесплатными «Персидскими»? Он разочаруется во мне и вернет меня тете. Но трибуны были полны, и когда я вышла на поле, держа перед собой коробку с выпечкой, тут же почувствовала энтузиазм толпы.

Предполагалось, что дети встанут в очередь, а отец установит складной стол. Вместо этого в них проснулся менталитет пчелиного роя. Они подошли ко мне, потянувшись к огромной картонной коробке. Сначала так делали только самые маленькие, поэтому мне достаточно было поднять ее над головой. Но потом их сменили дети постарше. Некоторым было по десять-двенадцать лет, и они были гораздо выше. Меня тут же сбили с ног, коробка вылетела из рук. Я почувствовала на себе сокрушительный вес детей, ничего не видела, уши наполнились их криками и радостными возгласами, но я не могла различить ни слова. Кто-то пнул меня в грудь. Я даже кричать не могла, из меня будто выдавили весь воздух, собственные фанаты чуть было не похоронили меня заживо. Как только руки и ноги занемели, нагрузка начала спадать. Я различила пятно солнечного света, потом еще одно, и вот детей чудесным образом оторвали

от меня и расшвыряли по сторонам. Отец наклонился и поднял меня с земли. Он натянул упавшие бретельки костюма обратно на плечи, его лицо было цвета грязной воды. Он стер что-то с моего лба, а затем встал и, держа меня на руках, ушел с поля.

В фургоне я прижала салфетку к порезу на лбу. Костюм был порван, грязь въелась мне в локти и колени. Позже мы узнаем, что у меня сломано ребро. Но я больше ничего не боялась, ведь была с ним, в безопасности. Он вмешался, когда это было так важно.

– С этим покончено, верно, Сабин? – тихо спросил он, когда мы свернули на Джон-стрит. – С персидской принцессой покончено?

Я кивнула.

– Хорошо. Потому что мне это никогда не нравилось. Это с самого начала было ошибкой.

У меня сжался желудок. Я была не согласна, но сложно было спорить с ним, когда моя кровь капала на асфальт, хотя я и потратила четыре года на то, чтобы внести вклад в его бизнес. Большая часть этой затеи казалась мне веселой.

– Мне многое нравится: быть на телевидении, помогать с бизнесом...

На секунду он посмотрел на меня.

– Я говорю о «Персидской». Все это ошибка. – Он свернул на нашу улицу. – Ошибка, которая началась давным-давно.

Я почувствовала всю тяжесть этих слов, все одиночество, навалившееся на меня, когда мы вышли на подъездную дорожку, и часть меня этому чувству поверила. Ошибка, о которой он говорил, – это была я.

– Тогда можно мне пойти работать в пекарню?

– И что ты собираешься там делать?

– Печь.

Он рассмеялся.

– Ты же не умеешь печь, Сабин.

– Я могла бы научиться. Ты мог бы научить меня.

Он покачал головой.

– У меня нет на это времени. Мне нужно заниматься бизнесом.

– Тогда можно я буду продолжать играть персидскую принцессу? Я хочу помочь.

– Ты помогаешь, ходя в школу, делая домашнее задание и составляя компанию бабушке.

Все, дело решенное. – Он махнул рукой в мою сторону. – Я сам скажу Стелле.

Тетя не прилагала особых усилий, чтобы спасти роль персидской принцессы, увидев мои травмы. Да и детство вскоре закончилось. В двенадцать лет мое тело начало меняться, и я стала странно смотреться парящей на ковре. Я вытянулась, у меня появились грудь и бедра. Атлас плотно обтягивал ягодицы, а полупрозрачный живот теперь выглядел еще неприличней, чем тогда, когда ткань была порвана и испачкана грязью. Наступили темные годы подросткового возраста, предательство тела, разгул эмоций. Стелла делала все, что могла, чтобы решить проблему, но, думаю, и она в конце концов устала от нападков моего отца. Она снова навязала меня ему. Но и ему я тоже была не нужна.

Глава седьмая

Ванда

Когда Сабин зашла в гостиную, женщина преклонных лет поднялась во весь свой лилипутский рост и заплакала:

– Ты!

Сабин наклонилась, чтобы обнять миниатюрную тетю, и я смело могла сказать, что таблетки, которые дала ей, подействовали. Ее взгляд стал затуманенным и стеклянным, как у коллекционной куклы. Однажды мне пришлось отводить ее на съемочную площадку «Доброе утро, Канада» в таком состоянии. К счастью, все было отточено и выверено в соответствии с нашим соглашением, просто нужно было напомнить текст, чтобы она смогла проговорить его в течение пяти минут.

– Мы разорены, Саби! – Тетя прижала ее к себе и зарыдала. – Такой труженик и гений. А теперь у нас остался только твой дядя!

– Ма, поздно уже плакать об этом. – Энцо снял кроссовки в дверях, и мы с Полом сделали то же самое. Он повел нас по плюшевому лазурному ковру к диванчику, выполненному во французском провинциальном стиле. Виниловый слой, покрывающий диван, был вырезан на заказ с точностью портного, чтобы вместить подушки с рюшами и широкие деревянные вставки подлокотника. Когда мы сели, пластиковая обшивка издала пукающий звук.

Тетя вырвалась из объятий, но все еще держала запястья Сабин в руках. По ее лицу можно было судить, что когда-то она была красива, но теперь черты стали мягкими, будто сотканными из перламутровой фольги.

– С уходом Франческо нам конец. Я костями это чувствую. О, *figlia mia*, пусть лучше бы Господь забрал меня вместо него! По крайней мере, вы были бы обеспечены.

В комнате воцарилась тишина, очевидно, она чего-то ждала от Сабин. Дочь, которая ничего не чувствовала из-за смерти своего отца... Она выглядела ужасно. Я мысленно умоляла ее найти за дымкой успокоительного горе, хоть какое-нибудь нормальное чувство.

– Хорошо выглядишь, *zia*, – пролепетала она, отступая и присаживаясь на край дивана.

Сабин была бесполезна. Всякий раз, когда она налегала на таблетки или водку, мне приходилось исправлять все, что вылетало у нее изо рта. Поэтому я громко чихнула в сгиб локтя.

Это сработало. Глаза *zia* Стеллы обшаривали комнату, пока она не заметила Пола и меня на диванчике в стиле Людовика XV.

– А это кто?

Сабин посмотрела на нас так, будто впервые увидела.

Я чуть улыбнулась.

– Миссис Васко, мы помощники Сабин, Ванда и Пол, из Торонто. Мы так сожалеем о вашей потере. – Губы Стеллы недовольно скривились, когда она заметила оборудование в руках Пола.

– Сабин, ты что, привезла оператора на похороны отца?

– Она же не знала, что он умрет. – Энцо опустил в кресло, позолоченные закрученные ножки которого делали его похожим на мужчину, сидящего на коленях в золотых бриджах. – Мы с Маркусом даже забыли встретить ее в аэропорту. Такой уж сегодня день.

– А где Маркус? – спросила я, понимая, что он не зашел за нами внутрь.

– О. – Энцо бросил взгляд на свою мать. Она же, в свою очередь, уставилась на лепнину. – Ему нельзя пересекать порог этого дома.

Мы все на мгновение задумались над этим заявлением.

– Марко – хороший мальчик, – наконец начала Стелла. – Я просто пытаюсь поддерживать мир.

– Мой отец – неандерталец, – заявил Энцо. – Даже несмотря на то, что он не живет здесь уже... Сколько, ма? Пять лет?

– Три года. – Стелла посмотрела на сына. – И что такое «неандерталец»?

– Пещерный человек.

– О, да, – поморщилась женщина. – Энцо для него мертв. И почему? Потому что он гей. Мы с Полом покачали головами.

– Франческо, отец Сабини, был ему как отец. *Grazia Dio*. Он учил его всему в пекарне. Теперь Энцо печет даже лучше, чем я.

– Спасибо, ма.

– Так что забудь о моем муже. Я твержу ему, что нет ничего, чего бы родитель не сделал для своего ребенка. Но он и слышать не желает. Для Данте все, на что годится Энцо, – это быть рабом в пекарне. Он ни разу не сходил со мной на собрание родителей.

– Родителей, у которых дети с проблемами в ориентации, – поправил ее Энцо.

– Я пытаюсь ему втолковать: «Скажи спасибо, что нестандартным людям разрешили браки». – Стелла взяла айпад с мраморного столика и разблокировала его. – А иначе как бы у нас могли появиться внуки? И знаешь, что он говорит?

Она посмотрела на меня. Я ждала ответа.

– Он говорит: «Сначала обвяжи веревку мне вокруг шеи и подвесь в гараже. И будут у тебя все свадьбы, какие пожелаешь».

Стелла показала мне айпад. Я узнала статью: Сабин стояла в белом платье в пекарне рядом с элегантным свадебным тортом, скрестив руки на груди, озаряя заведение лучшей улыбкой, говорящей «да пошел ты».

– Когда Сабин появилась в новостях со свадебным тортом, я записала все на видеомэгнитофон. Но Данте не позволяет мне никому это показывать.

– Послушай, ма, – начал Энцо, судя по голосу, уставший от этой темы. – Я голодный, можешь мне что-нибудь приготовить?

Стелла тяжело вздохнула. Она вернула айпад на столик и неопределенно махнула рукой в направлении кухни.

– Иди, приготовь себе тарелку. *Somare* Анна уже принесла лазанью – кто будет все это есть? Пауло и Вандер – вы голодные?

Я снова улыбнулась.

– Нет, спасибо, миссис Васко, мы в порядке.

Она кивнула.

– Энцо приготовит тарелки.

История со свадебным тортом – это то, с чего началась карьера Сабин. У нее даже были татуировка с этим изображением на плече. Это случилось, когда она все еще жила с Рейнольдсом, по ночам употребляла выпивку и наркотики и прожигала свой талант, работая в его ресторане *Along Came a Blackbird*. Однажды она приняла пару, которая жаловалась, что пекарня на соседней улице отказала им в заказе на свадебный торт. Пекарь, по его словам, ненавидел людей с нетрадиционной ориентацией.

Именно тогда, не посоветовавшись с Рейнольдсом или шеф-поваром, она самовольно предложила им услуги кондитера бесплатно, взяв расходы на себя.

Трудно поспорить, что этот шаг был продиктован личной выгодой. Больше всего на свете Сабин хотела стать шеф-кондитером. Она ходила в кулинарную школу, но оказалась в ловушке образа жизни обслуживающего персонала. Рейнольдс много лет назад пообещал пристроить ее к себе кондитером и все еще не выполнил обещание. Он твердил, что ее красивое лицо было дано не просто так, а для того, чтобы приветствовать посетителей, когда они входили в

Along Came a Blackbird, ставший самым популярным рестораном в городе, отмеченным звездой Мишлен.

В тот день что-то проснулось во мне. – Так мы написали в предисловии к ее второй кулинарной книге – мемуарам «Кухня хаоса: десерт из бури и беспорядка». *Это было наше коллективное чувство справедливости. Слишком долго нас лишали людей и вещей, которые мы любили, только потому что это не соответствовало чьему-то узкому представлению об универсальном порядке.*

Торт представлял собой декадентское трехъярусное блюдо, наполненное пропитанной бальзамиком клубникой, измельченными фисташками и украшенное полураскрытыми розами из масляного крема: декор, который опередил свое время. Торт выстрелил в Instagram, и когда Грегори и Макс подали в гражданский суд на первую пекарню за дискриминацию, эта история вызвала серию громких заголовков в национальных СМИ. Сабин, которую изображали как Рут Бейдер Гинзбург от мира тортов, за одну ночь набрала первые сто тысяч подписчиков в Instagram. Далее последовали контракты на три книги, а также еженедельный сегмент о выпечке в программе «Доброе утро, Канада».

Более важными были события, произошедшие в ее личной жизни. Она бросила наркотики (практически), открыла свой канал на YouTube и уволилась из Along Came a Blackbird. Но и Рейнольдс не желал уходить тихо, в конце концов, он оставил ради Сабин жену, с которой прожил вместе двадцать лет, и троих детей-подростков. Он развязал жаркую войну в социальных сетях, назвав Сабин «бездарной оппортунистической альпинисткой». Никто ему не поверил. Из-за него условия в ресторане ухудшились, но он обвинил именно Сабин в потере звезды Мишлен и возможном закрытии ресторана Министерством здравоохранения.

Время от времени я находила его унылые комментарии на наши посты и была вынуждена их удалять.

* * *

Энцо вернулся в комнату с тарелками еды. Он дал нам по кусочку лазаньи, щедро усыпанному маленькими фрикадельками.

Сабин сидела сгорбившись и выглядя как почетная гостья на вечеринке жалости, Энцо поставил перед ней тарелку.

– Он жаловался на что-нибудь?

– Ничего такого, – ответила тетя Стелла. – Но ты же знаешь Франческо, он бы нам не сказал, даже если бы что-то было не так. Кто знает, что творилось в этой голове! Давно с ним разговаривала?

– Пару месяцев назад. Кажется, у него был день рождения. Он не любил разговаривать по телефону, всегда спешил отделаться, так что... – Ее фраза оборвалась. – Она устала на лазанью, но даже не взялась за вилку. – Когда похороны?

Воцарилось драматическое молчание, прежде чем Стелла ответила.

– Никаких похорон не будет.

– Завтра вечером поминки, ма. Это то же самое.

– То же самое? – Лицо женщины потемнело. – Как Господь узнает, что нужно прийти и забрать Франческо на вечный покой, если похорон не будет? Без тела, которое можно было бы показать? Без церкви? Думаешь, Иисус придет искать его на поминальную службу в собственную гостиную?

– Может быть, он того и хотел, – тихо предположила Сабин.

Тетя пристально на нее посмотрела.

– Нет, это не его затея. Я знаю, откуда она взялась. То же самое было и с мистером Беннеттом. Он умер, а мы сидим в этом доме и смотрим друг на друга, как идиоты.

– Basta, мама, – предупредил ее Энцо, протыкая вилкой слои макарон.

– Упокой Господь его душу, но твоим отцом, Сабин, всегда было слишком легко манипулировать. Он отпустил тебя в кулинарную школу, и мы больше тебя не увидели. – Стелла закуталась в черный кардиган. – Если бы у тебя была мать – настоящая мать, следящая за тобой, – ничего этого не случилось бы. Ты могла бы сейчас быть замужем, как нормальная женщина, рожать детей. Все были бы намного счастливее. Но посмотрите на нашу семью – ни одного bambino, ничего, одни змеи, кусающие собственные хвосты.

Я знала Сабин, поэтому ждала, что она откроет рот и выскажет все, что думает. Но она ничего не ответила.

Глаза тети скользнули по ней, по ее растрепанным волосам, впадинам под скулами и нетронутой лезанье. Кажется, у Сабин в детстве не было особой группы поддержки.

– И все эти татуировки, Сабин! – Тетя подняла голову и издала ужасающий вой, глядя в потолок. – Иногда я вижу их на видео. В Instagram. Понятия не имею, почему ты так себя губишь.

– Господи Иисусе, ма. – Энцо уронил вилку на тарелку. Крупинка пармезана задрожала на его усах.

Сабин вцепилась пальцами в завитки красного дерева на подлокотнике. Я задержала дыхание и заметила, как пальцы Пола зарылись в глубокий ворс ковра. Рококо обступил нас со всех сторон.

– Ты думаешь, это bella, да? Но через пару лет это будет выглядеть уродливо. Одинокая сорокалетняя женщина, покрытая татуировками, – что за отвратительная жизнь.

Сабин встала и вышла из комнаты.

Тетя посмотрела ей вслед, качая головой.

– Совсем как отец. Когда говоришь ей что-то, чего она не хочет слышать, сразу уходит.

– Она в шоке, – заступилась я, хотя инстинкты документалиста твердили, что я не должна вмешиваться. – Никто даже не потрудился позвонить ей вчера. Отец Сабин умер, а вы позволили ей сесть в самолет, ничего не рассказав.

Стелла посмотрела на меня как на идиотку.

– Мы не сказали, – ответила она, – потому что знали, что тогда она не прилетит.

Я последовала в том же направлении, в котором исчезла Сабин. У входа на кухню ковер сменился мраморной плиткой. Она стояла внутри, положив руки по обе стороны раковины, и смотрела в окно на задний двор.

– Все в порядке?

Она обернулась.

– А, это ты.

– Может, нам лучше уйти?

Сабин энергично потерла нос и кивнула.

– Вызови Uber.

Она пододвинула ко мне свой телефон через кухонную стойку.

– У них здесь работает Uber? – Телефон распознал мое лицо и разблокировался.

– Есть какое-то такси. Позвони в любую службу.

– Хорошо, в какой отель поедем?

– Нет. Никакого отеля. Возвращаемся в аэропорт. Возвращаемся домой.

Я оторвала палец от экрана, мне нужно было подумать. Я прокручивала эту мысль в голове с той самой минуты, как Энцо сообщил плохие новости. Мои инстинкты подсказывали мне, что еще не время уезжать.

– Она тот еще фрукт, твоя тетя. Но есть тролли, которые в тысячу раз хуже.

У женщины все-таки стояли кулинарные книги Сабин, выставленные на видном месте в буфете.

– Приезжать сюда было ошибкой. – Сабин повернулась обратно к окну. – И виновата в этом ты.

Я прислонилась к завитой мраморной столешнице. Ее зубчатые края впились мне в поясницу. Кажется, Марк Твен что-то говорил о невозможности вразумить идиота? Не то чтобы Сабин была идиоткой, но иногда она не видела дальше своего носа.

– Ты не можешь взять и не пойти на похороны отца.

– Это не похороны. Мемориальная служба. Она вскинула голову. – К тому же он об этом не узнает.

– Ты точно все продумала? Я имею в виду, а что будет с шоу?

Сабин прищурилась.

– А что будет с шоу?

Я вцепилась большими пальцами в лямки комбинезона, еле удерживая себя от того, чтобы обернуть их вокруг ее шеи. Разве не она сидела за тем же столиком в L'Elan, когда сотрудники Netflix наконец перешли к делу? Когда они отбросили лучезарные улыбки и превратились в роботов из литого металла? Даже улыбчивая Бри растеряла весь свой непринужденный дух сотрудничества, который так очаровательно приносила в их трехглавое чудовище.

– Мы не против поделиться с вами мыслями о ситуации, – сказала она тогда, соорудив из пальцев сложную конструкцию и положив ее на колено, – потому что это бизнес-миссия, в которую мы верим. Как руководителям отдела разработки шоу без сценария, нам было поручено рассказывать истории об «удивительных героях, чутких и настоящих».

Я приняла эту критику близко к сердцу. Я была ее автором, ее редактором и ее голосом. Если Сабин не посчитали настоящей – значит, я плохо делала свою работу.

Но я все же знала, что делала.

Я была хранителем ее производственной библии и могла и переписать ее. А теперь у меня был для этого материал. Я видела ее лицо в аэропорту в тот момент, когда мне пришлось сказать, что ее отец скончался. Это было внезапно, такого никто не мог предсказать. Ее лицо вытянулось, но не одеревенело: голова склонилась набок, а глаза наполнились слезами. Я поняла, насколько сильный это был удар для нее. Ее лицо кричало о том, что я нажала на какую-то фундаментальную болевую точку, которую она скрывала всю жизнь.

Это было идеально. И мы засняли это на видео.

– Знаешь, что я поняла за те два коротких часа, что мы здесь пробыли? – спросила я наконец ровным тоном. – Что у тебя уже есть чуткость и искренность, за которыми так охотятся эти придурки. Ты из самого настоящего теста. Посмотри на тетю, на двоюродного брата – на свою реакцию на них всех. Почему ты так боишься показать это?

Она подняла глаза.

– Ты ведь понимаешь, что за тобой наблюдают целых пять миллионов человек? Ты правда думаешь, что им нужны только рецепты и идеи для выпечки?

Я нашла недостающую сюжетную линию жизни Сабин. Это то, что нужно было увидеть трехглавому Церберу, прежде чем они подпишут контракт. Это и было тем, ради чего мы сюда приехали – но теперь как будто на убитых горем, покрытых голубым ковром и розовой глазурью стероидах. Я не могла позволить ей убежать от этого, просто потому что ей было неудобно. Я слишком много вложила.

– Люди любят выпечку, потому что она дает им отдохнуть от реальной жизни. Но они наблюдают за тобой, потому что ты настоящая, уязвимая и красивая. Самое время впустить их в свой мир. – Я раскинула руки, как будто хотела охватить ее личное пространство, кухню ее тети и весь город. – Потому что, Сабин, ты же понимаешь, что такая возможность больше не представится, да?

Было время, всего несколько лет назад, когда я тоже была на коне, но когда прилетели стервятники, просто опустила руки. Я была слишком молода, слишком глупа, чтобы справиться с ними. И к тому времени, как я осознала, что произошло, от меня и костей не оставили. Тогда я и попыталась покончить с собой.

Любой сделал бы так, потеряй он то же, что и я.

После большого горя начинаешь иначе смотреть на свои перспективы. Я не была бессердечной, лишь увидела возможность, обрисовала ее контуры и вдохнула в нее жизнь.

Сабин посмотрела на меня, на мои руки. Она знала, что мы обе увязли в этом.

– Хорошо, – согласилась она. – Мы остаемся.

Я улыбнулась, но лишь слегка. В конце концов, человек умер.

КУХНЯ SWEET RUSH – ДЕНЬ

САБИН ПОДНИМАЕТ ПЕРЕД КАМЕРОЙ

БЛЮДО С КАННОЛИ.

САБИН

«Положи пистолет на землю и возьми канноли». Более мудрых слов еще никто не говорил. И сегодня я покажу вам, как сделать эту знаменитую итальянскую выпечку в домашних условиях. Мы будем готовить по одному из первых рецептов, которые я придумала: хрустящие канноли с шоколадной глазурью и рикоттой из овечьего молока. Эти канноли настолько вкусные, что их поместили на первую страницу раздела «Еда и напитки» в Toronto Star.

КАМЕРА «В» СНИМАЕТ НАД ГОЛОВОЙ.

МОНТАЖНАЯ СКЛЕЙКА. КРУПНЫЙ ПЛАН РУК

САБИН, КОГДА ОНА РЕЖЕТ ТЕСТО

И РАСКЛАДЫВАЕТ НА ПРОТИВНЯХ.

СНОВА САБИН

В этом выпуске я научу вас, как замешивать, раскатывать и обрезать тесто...

СКЛЕЙКА. СМАЗЫВАЕТ МАСЛОМ РОЖКИ ИЗ ТЕСТА.

САБИН ЗАВОРАЧИВАЕТ ЕГО,

СОЕДИНЯЯ КРАЯ ДЕКОРАТИВНЫМ БОРТИКОМ.

СНОВА САБИН

Мы узнаем, как лучше всего придавать форму канноли...

СКЛЕЙКА. КРЕМОВАЯ НАЧИНКА ШЕЛКОВИСТОЙ

ЛЕНТОЙ ЗАЛИВАЕТСЯ ЧЕРЕЗ КОНЧИК

КОНДИТЕРСКОГО МЕШКА В КАННОЛИ.

СНОВА САБИН

А еще мы попрактикуемся в том, как управляться с кондитерским мешком, чтобы крем профессионально распределялся по центру.

ВОЗВРАТ К КАМЕРЕ «А»:

САБИН СИДИТ С ТАРЕЛКОЙ КАННОЛИ.

СНОВА САБИН

Эти канноли делают вам предложение, от которого вы не сможете отказаться. Ну что, закатайте рукава и приготовьтесь к сладкому!

Глава восьмая

Сабин

Отель «Мэйфилд», когда-то служивший убежищем для бродяг, пьяниц и работниц стриптиз-клубов, ищущих лучшей жизни, со времени моего последнего визита был выкуплен InterContinental group. Автостоянка была переделана под бассейн с морской водой и спа-салон, лобби-бар превратился в Smith & Wollensky, в комнатах наверху сняли ковры и обои и заново обернули хлопком из восьмисот нитей, набили подушками из утиного пуха и подключили Wi-Fi.

Я растянулась голышом в сауне с ароматом эвкалипта. Где-то в глубине души я понимала, что это общественное место и что мне следовало обернуться полотенцем, а не лежать на нем, но мне было наплевать на скромность, так бывает, когда выпиваешь все содержимое мини-бара.

Я подняла телефон над головой, чтобы проверить сообщения.

Господи, Сабин, мне ооочень жаль, что потребовалась трагедия, чтобы получить такие кадры. Похоже, у вас там событий выше крыши. Позвони мне, если захочешь поговорить. Думаю о тебе. Целую, Коллетт.

Хотя я и оценила цветы, которые она прислала в номер, слово «трагедия» показалось мне преувеличением. Трагедия – это здание тибетской школы, погребенное под лавиной, а не уход престарелого отца. Коллетт казалась неестественно взволнованной таким поворотом событий. Я закрыла приложение analytics с гистограммами и пульсирующими стрелками, свидетельствующими о том, что публикация оказалась в тренде, и нажала на видео из аэропорта.

Трудно наблюдать за собой, будучи невероятно критичной к своим голосу, подаче и позе, но эта запись была до неприличия правдива. Мое лицо из умеренно раздраженного превратилось в скептическое, а потом сморщилось, как китайский фонарик, который кто-то пнул. Ванда опустила обе руки мне на плечи. Потом я начала плакать, что едва спасло ситуацию.

Я почти никогда не читала комментарии на YouTube и не отвечала подписчикам – об этом заботилась Ванда. Мне никогда не будет комфортно от фамильярности, которую фанаты допускали в сообщениях, но мне было любопытно, что люди думали обо мне сейчас. Я увидела много плачущих смайликов, кратких слов соболезнования, сообщения от фанатов, которые использовали мое горе как повод рассказать собственные истории потерь. Ну и, как всегда, обычные оскорбления.

Conway Witty92 2 часа назад

Терпеть не могу твой тупой бизнес и твой тупой канал.

MilaBakesatHome 1 час назад

Оу, мне так жаль тебя. Небеса получили еще одного ангела...

ChompChomp 1 час назад

Ты так прекрасна, когда плачешь.

Ну и конечно:

ReynoldsWhitakerII 1 час назад

Если бы только эта женщина была хотя бы вполовину так хороша в выпечке, как в актерской игре. Посмотрите ее видео с ананасовым тортом «вверх ногами» – она даже не карамелизует сахар.

За этим, конечно, последовал шквал требований, чтобы ReynoldsWhitakerII убрался к черту из социальных сетей. Несколько подписчиков поддержали мое решение не карамелизовать сахар, поскольку это может вызвать потемнение фруктов. Но горстка людей поддерживала и его, ставя под его комментарием хлопки в ладоши или эмодзи с поднятыми вверх большими пальцами. Я подумала, что это проявление солидарности – все, что нужно Рейнольдсу, чтобы почувствовать, что он все еще в игре. Поэтому он и использовал настоящее имя вместо того, чтобы анонимно троллить меня. А люди либо воспринимали все это дерьмо буквально, либо развлекались, наблюдая за противостоянием.

Даже не знаю, кто из них больше раздражал.

По словам Ванды, в последнее время Рейнольдс появлялся в моей ленте довольно часто – пока она не удалила его комментарии. Подозреваю, он делал это потому, что в следующем году у него выходит книга – мемуары о взлете и падении самого титулованного шеф-повара и ресторатора страны. Согласно рекламе на его веб-сайте, это «грубое и едкое описание его злоупотребления веществами и последующего психического расстройства». Вероятно, он заполнит главы книги подробностями наших отношений.

Часть о злоупотреблении веществами определенно правдива, так часто бывает в большинстве видов сферы услуг. Я была с Рейнольдсом почти восемь лет, большую часть из которых тайно, пока он не набрался смелости бросить жену. Совместная жизнь оказалась далеко не такой захватывающей, как наш тайный роман, который состоял из секса в его машине или кладовой, или в отелях, когда я сопровождала его в деловых поездках. Когда мы начали жить вместе – что ж, это была своего рода проверка на ощущение реальности. Или, скорее, это была операция по предотвращению этой реальности. Он был на двадцать лет старше меня, когда мы встретились, и продолжал стареть. Мы постоянно употребляли наркотики, хотя в моем случае у меня были на то веские причины. Я поняла, что, по сути, была замужем за стариком, который меня больше не привлекал, но у которого были ключи к моей карьере.

Я уже была «вещью», когда зашла в Along Came a Blackbird, чтобы взять интервью у Рейнольдса Уитакера. Я училась в лучшей кулинарной школе в городе, но получала постоянный поток предложений о модельных и актерских подработках, которыми все советовали мне заниматься, пока у меня «еще есть лицо». Меня взяли на роль ведущей в Foodie Confidential (потом меня бросало в пот от одного названия), где я брала интервью у лучших шеф-поваров города, пока они готовили свои фирменные блюда. Все это умещалось в девяностосекундный видеоролик, который транслировался между рекламными вставками на экранах в такси. Я никогда не планировала быть сторонним наблюдателем, тем, кто рассказывает о творческом процессе других людей – я хотела быть шеф-кондитером, – но преуспевала лишь в других отраслях, как жестоко. И долгое время казалось, что на моем лице всегда написано одно разочарование.

В конце интервью Рейнольдс схватил меня за руку и потащил вокруг стола для приготовления мясных блюд в заднюю комнату. Внешне он не производил впечатления, но у него были острые, умные глаза. Он задрал мой рукав на три четверти, чтобы полностью увидеть рифленую форму для кекса, вытатуированную на внутренней стороне руки чуть выше локтя. Помню, как была удивлена интимностью его рукопожатия, тому, *как* он водил пальцем по татуировке. Потом он посмотрел на меня и с абсолютной уверенностью предложил работу в Along Came a Blackbird.

Я рассмеялась и отказалась.

– Я ходила в Maroon, – ответила я ему. – Училась печь.

Его брови серебряными нитями взлетели вверх.

– Так какого черта ты занимаешься этими дерьмовыми интервью? – Он все еще держал меня одной рукой и поглаживал другой. – По крайней мере, так ты будешь на шаг ближе к кухне.

Никто из мужчин на кухне даже глазом не повел в нашу сторону. В двадцать три года мне и в голову не приходило, что такое поведение шефа было для сотрудников настолько обычным, что они даже перестали его замечать.

– Ты предлагаешь мне стать шеф-кондитером?

– Это, безусловно, возможно, – уклончиво ответил он, возвращая рукав на место и похлопывая меня по руке.

Хотя было трудно не заметить его приставания, все же тот факт, что вскоре после приема на работу мы стали заниматься сексом в магазинах снабжения, стал для меня неожиданностью. Как и то, что через пару месяцев он начал оплачивать мою квартиру и сделал себе ключ от нее. В тот момент я ничего из этого не понимала. Все, что я видела, что он предлагал мне работу – шеф-кондитером.

Я была глупой. Еще ни одному новичку не удавалось зайти в лучший ресторан города и стать шеф-кондитером. Даже тому, кто буквально вырос в пекарне. За эту работу проливалась кровь, за нее убивали. Честно говоря, я и не думала, что он сделает меня шефом, конечно нет. Но я правда рассчитывала, что, безусловно, когда-нибудь в будущем буду су-су-шефом.

В первый же день, когда я явилась на дежурство, метрдотель пояснил мне:

– Вот здесь складывай меню, а потом стой и улыбайся гостям.

– Но я пришла работать на кухне. Можно поменять задачу? На любую другую.

Он рассмеялся.

– С таким лицом? Да ты шутишь. – Он взял меня за плечи и повел к стойке хостес. – Рейнольдс поставил бы тебя в стеклянную коробку и выставил на тротуаре, если бы мог, милая. Кухня для уродов.

Я была польщена. Это же не объективация, если тебе понравилось, да?

– Все с чего-то начинают, – сказал Рейнольдс неделю спустя, когда вместо того, чтобы отвезти меня домой, заехал на пустынную парковку склада и начал расстегивать молнию на моей юбке. Для протокола, я тоже целовала его в ответ. Время от времени в моей голове звучала одинокая пронзительная нота, предупреждавшая о том, что происходящее было моим карьерным самоубийством. Но что у меня была тогда за карьера?

– Хорошо, – кивнула я, еще не зная, на что соглашаюсь. – Но я правда хочу печь.

– Тогда работай над этим, – парировал он, стягивая мою блузку через голову. – А теперь заткнись и дай мне посмотреть на твои татуировки.

К тому времени, когда семь лет спустя произошла история со свадебным тортом, мой побег из курятника давно уже был предрешен. Как и почему это заняло так много времени, трудно объяснить, не выглядя при этом жалкой оппортунисткой. С одной стороны, я привыкла к тому, что мужчины не давали мне шанса. С другой, я так долго вращалась вокруг солнца, что, согласно законам физики, рано или поздно меня засосало бы в лучи славы. Так и произошло.

Рейнольдсу не понравилось, что мой единственный небольшой успех с пропитанным бальзамиком клубнично-фисташковым тортом начал раскручиваться в Интернете. Он с недоверием относился к социальным сетям, отказываясь признавать их силу. За одну ночь он стал старым и одиозным и ходил за мной по квартире, спрашивая, уйду ли я от него теперь, раз стала знаменитой. Первые несколько месяцев я отмахивалась от него, повторяя, чтобы он не валял дурака.

Даже поручила ему работу по сбору тематически связанных рецептов свадебных тортов для моей первой книги «Свадебные торты для необычных людей». Но идея о расставании уже пустила во мне корни, не без оснований, разумеется. В тридцать лет я все еще была всего лишь

главной хостес. Он так и не пустил меня на кухню в *Along Came a Blackbird*, хотя повара-мужчины постоянно приходили и уходили. Я и сама неплохо поработала над тем, чтобы нажать себе врага в лице шеф-кондитера, взяв заказ на свадебный торт без его согласия. Но пусть этот старый французский патиссон засунет злобу себе в задницу. Это были мои комиссионные после многих лет чертова Рейнольдса Уитакера.

Для ясности, я не ставила своей целью разрушить его империю. Но когда дом падает, приходится либо бежать из него, либо оставаться и быть погребенной под обломками. Мне нужен был выход из-под контроля человека, который оплачивал мою аренду и платил мне зарплату. Но что еще более важно, мне нужно было убедиться, что обратного пути нет. Тогда я уже ясно понимала, что у меня был нездоровый уровень зависимости. Конечно, я могла бы оставить Рейнольдса, но при первых же трудностях вернулась бы обратно. Я знала, что он, в свои пятьдесят один и будучи разведенным, с двумя взрослыми детьми (которые почти не разговаривали с ним), будет более восприимчив к моей слабости. Нет, если я собиралась пройти сквозь этот портал, то должна была надежно запечатать его за собой.

В конце концов, это было просто, почти случайно. Все сотрудники видели двух крыс, игриво гонявшихся друг за другом по кухне. Все снимали видео. Я просто случайно оказалась той, кто опубликовал его. И единственной, у кого было достаточно подписчиков, чтобы привлечь к этому внимание и раскрутить новость в Сети.

После этого я дала интервью на тему расширения прав и возможностей женщин журналисту *The Guardian*, который следил за моими публикациями. Я не собиралась устанавливать журналистскую повестку дня, но она видела во мне человека, использующего социальные сети, чтобы показать, каково это – анонимно трудиться в высококлассной, преимущественно мужской индустрии. Как только это стало известно, моя история выступила платформой, на которой средства массовой информации начали разбирать жестокие мужские установки индустрии общественного питания.

Я написала обо всем этом в «Кухне хаоса»: *«Как только пирог вскрыли, птицы смогли запеть»*. И снова эта детская песенка оказалась точной метафорой того, что произошло, когда Министерство здравоохранения наконец закрыло *Along Came a Blackbird*. Словно все мы освободились от власти Рейнольдса Уитакера. Многие из нас, особенно женщины, пошли дальше к новым успешным начинаниям и престижным должностям. Некоторые из нас оказались в центре внимания средств массовой информации, наставляя молодых женщин в духе предпринимательства и поддержки. Трудно сказать, как долго я продержалась бы, если бы эти две крысы не пробрались к нам на кухню.

– Классные татуировки.

Я резко очнулась, понимая, что все еще находилась в сауне, все еще голая. И не одна.

Мужчина в плавках на нижней полке напротив печи откинулся назад, опираясь на локти, с полотенцем на голове.

– Господи Иисусе! – Я вскочила, схватив свое и обернув его вокруг тела. – Как долго ты здесь?

Он стянул полотенце с головы, обнажая волосы цвета листового металла.

– Это общая сауна, прямо на двери же написано.

– Чертов извращенец! – Я спрыгнула с верхней полки и чуть не потеряла равновесие на кедровых досках.

– Полегче. – Он сел. – Ты в порядке?

– В полном! – Полотенце чуть не выпало у меня из рук. Я была обезвожена, кружилась голова. Я изо всех сил пыталась обернуть тело, не упав ни на его колени, ни на камни сауны. Когда я толкнула дверь, то оказалась не готова к воздуху комнатной температуры, ударившему

прямо в лицо и проникшему в легкие. Я и суток здесь не провела, а уже сеяла хаос. Некоторые места, по-видимому, выявляют худшее в человеке.

«*Возьми себя в руки*», – приказала я себе, идя по современному ковру с геометрическим узором мимо тренажерного зала в вестибюль, где опустилась в глубокое кожаное кресло. По правде говоря, я еще даже не была дома. То есть в том доме, в котором выросла.

На что это будет похоже сейчас, спустя почти десять лет после того, как я видела его в последний раз? Отец предпочел этот дом и все, что в нем было, своей прежней жизни в Неаполе, оставив позади мою мать с огромным животом. Правильный ли это был выбор?

Я посмотрела на маленькую спа-сумочку, свисающую с запястья. В ней лежали телефон, карточка отеля и ключи от арендованной машины. Потом перевела взгляд на полотенце, которое было на мне надето вместе с одноразовыми спа-шлепанцами. Он просто обязан быть правильным.

Глава девятая

Сабин

Nonna Мария всегда говорила о моем необычном детстве так, будто оно было лучше той жизни, которую вели нормальные североамериканские семьи. Дети – это женская забота, утверждала она, и повезло, что у меня были она и zia Стелла. Для ребенка женского пола отец не такой уж и необходимый фактор влияния в семье, и на самом деле лучшие отцы – те, которые управляют предприятием под названием «семья» со спокойной дистанции, как любой хороший генеральный директор.

Отец приехал в Канаду по приглашению двоюродного брата Данте и его жены Стеллы. Много лет назад они поселились в Тандер-Бей, небольшом городке на северо-западе Онтарио с развитой промышленностью и хорошими перспективами трудоустройства. Zio Данте писал, что если человек может справиться с изоляцией и безжалостными зимами на северном берегу озера Верхнее, то для него это самое подходящее место. В больших городах, таких как Торонто или Виннипег, лучшее, на что мог надеяться рабочий-иммигрант, – это работа мойщика посуды, однокомнатная квартира в плохом районе и полный карман автобусных жетонов, чтобы добираться туда и обратно. Но в Тандер-Бей мужчина мог растить семью в доме с задним двором, парковать машину перед входом и выбирать работу в лесном хозяйстве, судоходстве или на железной дороге. И если эти варианты не устраивали, то пекарня, где Данте работал доставщиком, принимала на работу. Этого было достаточно для моего отца, который уже был талантливым пекарем. В середине восьмидесятых он оставил беременную жену Лючию на попечение матери и уехал с обедневшего итальянского юга, чтобы начать новую жизнь для своей семьи. Моя мать, должно быть, и правда купилась на это, потому что жизнь с моей бабушкой – это вам не прогулка в парке. План состоял в том, чтобы он скопил достаточно денег, чтобы перевезти и нас, и на этот подвиг у него ушло пять лет.

В процессе мы столкнулись с еще одной бедой.

Когда мне было два, у матери нашли рак. Она лежала в больнице еще два года, прежде чем умерла. Мама моталась на лечение и обратно, а потом сидела с бабушкой, так что у нее не оставалось времени на мое воспитание. Они решили отправить меня в школу при аббатстве близ Салерно, в часе езды к северу от нашей деревни Палатино. Мне сказали, что на этом настояла моя мать. Наверное, она не хотела, чтобы я видела, как она умирает. По-моему, невероятно старомодная идея, но, возможно, не такая уж и ужасная. Вместо запахов больничной палаты и капельниц у меня остались воспоминания о покрытом листвой средневековом аббатстве с внутренним двором и спортивной площадкой в зарослях, а еще о милых сестрах Урсулинках, которые носили обычную одежду и позволяли мне смотреть с ними телевизор два раза в неделю.

Но с другой стороны, у меня не было никаких воспоминаний о матери.

Бабушка часто приходила. Мои первые воспоминания о ней – это сутулая, закутанная в черное фигура, несущая мешок с воцеленными бумажными рожками для детей, каждый из которых был наполнен медом из ульев, за которыми она ухаживала, зарабатывая на жизнь. Я знала, что она моя бабушка, хотя сестры прямо не называли маленькую женщину с белоснежным пучком волос «nonna». Это было слишком болезненное слово для девочек в школе, они были из распавшихся семей, некоторые потеряли родителей и все еще плакали по ночам. Мы просто называли ее «медовая мама». Когда она подходила к аббатству субботним утром, девочки толпились у железных ворот, соревнуясь за место. Я отходила в сторону и принималась ждать. Бабушка всегда оставляла для меня самый большой рожок меда.

На самом деле у меня было одно воспоминание, которое я хотела бы приписать матери. Женщина приехала забрать меня из аббатства на целый день и отвезла на такси на открытый рынок тканей. На ней были коралловый костюм и высокие каблуки, которые цокали по булыжной мостовой. Она держала меня за руку, когда мы шли между торговыми прилавками. Она поделилась, что ей сошьют платье, и я помню, как она ахала от удовольствия, когда перед ней разворачивали рулон за рулоном разноцветную ткань.

Однажды я рассказала эту историю бабушке ближе к концу ее жизни. Она покачала головой.

– Должно быть, это была одна из сестер, которая взяла тебя на прогулку, – предположила она. – Твоя мать не вставала с постели, она умерла от рака матки еще до того, как ты научилась ходить.

Но когда я стала старше, мои вопросы стали неудобнее, я начала понимать нюансы семейной жизни и наблюдать за отношениями между мужем и женой, а потом обратилась к zia Стелле.

– Почему папа не вернулся в Италию, когда мама заболела?

Стелла крепко сжала челюсть, но не отмахнулась от вопроса.

– Помнишь, какой была твоя бабушка? – Она осторожно оглядела гостиную, словно желая убедиться, что старуха не восстала из мертвых и не прячется где-нибудь в углу. – Она не хотела без необходимости беспокоить твоего отца.

– Моя мама умирала. Был повод для беспокойства.

– Я думаю, поппа Мария ждала, чтобы посмотреть, как пойдут дела. У них все еще была надежда на химиотерапию, а потом, когда она не сработала, было уже слишком поздно. – Стелла глубоко вздохнула, ее ноздри затрепетали. – Франческо не было никакого смысла возвращаться в Италию после ее смерти.

Последняя фраза была для меня как пощечина.

– Он мог бы вернуться за мной.

Стелла цокнула языком. Меня ведь привезли к нему, да? Тогда какая разница?

– Чего ты не понимаешь, Сабин, так это того, что в течение сотен лет иммигранты и их семьи жили и умирали порознь. Если бы у твоего отца было пятьдесят долларов в кармане, он бы вложил их обратно в бизнес. Англичане привыкли разбрасываться деньгами, но для нас даже билет на самолет был роскошью, которую мы не могли себе позволить.

Удовлетворенная ответом, Стелла откинулась на спинку стула с голубой обивкой в своей великолепной комнате.

Глава десятая

Сабин

Я ждала руль на десять и на два часа, как будто правильное положение рук могло компенсировать тот факт, что на мне не было ничего, кроме гостиничного полотенца, и что содержание алкоголя в крови значительно превышало порог в пять десятых промилле. Я припарковалась на той же стороне улицы, где стоял дом, но в нескольких ярдах от него. Достаточно близко, чтобы видеть, но не быть замеченной. Сам дом представлял собой квадратное серое строение, построенное в американском стиле Foursquare. Он возвышался на три этажа над Саммит-авеню, и почти из всех окон, выходящих на восточную сторону, открывался потрясающий вид на озеро Верхнее. Там было розовое окно, пробитое через фасад и, несомненно, сделанное уже после оригинального проекта, оно придавало дому некоторый шарм. С шатровой крышей и выступающими мансардными окнами он выглядел дорого, несмотря на всю его простоту.

Это дом, в котором я выросла. Дом, в который отец привез нас после того, как мы с бабушкой приехали в Тандер-Бей. Как ни странно, он единственный, в котором я когда-либо жила, и в нем я оказалась совсем чужой.

О, а внутри была его жена.

Помню, тогда на крыльце горел свет. Помню, как отец взбежал по ступенькам, чтобы освободить для нас путь.

Внутри были панели из темного дерева и тяжелая мебель, которая несильно отличалась от той, что стояла в школе, из которой я только что вернулась. Но в доме не было ни женской вышивки, ни салфеток, ни растений, которые урсулинки расставляли, чтобы оживить разрушающееся каменное аббатство.

Слева и справа от фойе располагались комнаты, а прямо по центру оказалась широкая лестница. У основания стояли дедушкины часы. Я подошла к ним, загипнотизированная покачиванием массивного латунного маятника. Протянула руку и положила грязную пятерню на стекло, защищавшее вечный ход часов.

Вот тогда-то я и услышала звук над собой. Порыв ветра или резкий вдох. Я отдернула руку, готовясь к тому, что бабушка дернет меня за ухо. Но она даже не смотрела на меня. Она смотрела на кого-то на лестнице. Я тоже подняла глаза.

Там стояла Мадонна из рождественских яслей, которые сестры установили в аббатстве на прошлое Рождество. У нее были такие же светлые волосы, зачесанные назад, открывающие лицо классических пропорций. Голубые глаза, густые брови и полные губы, до неприличия красивой формы. Но вместо развевающихся одежд и мантии эта Мадонна была одета в шерстяную юбку и свитер бежевого цвета с крошечным жемчугом, нашитым вдоль выреза. Но это была не десятидюймовая статуэтка, а настоящая живая женщина.

Я уставилась на нее. Она уставилась на меня в ответ. Но смотрела совсем не так, как я привыкла. Ее взгляд заставил меня занервничать. Она сделала шаг вниз, нога тяжело стукнула. Отец тоже двинулся вперед, и на секунду мне показалось, что он бросится к ней, чтобы поймать. Но она не двинулась с места, крепко вцепившись в перила.

– Джулия, – начал он и жестом указал на меня, съжившуюся в тени дедушкиных часов. – Это моя дочь.

Так он и сказал. Уверена, так и сказал.

Zia Стелла часто говорила о привычке иммигрантов трудиться и не поддаваться сентиментальности, и, кажется, она была права, так что несмотря на то, сколько мне тогда было лет, я быстро начала собирать всю картину воедино.

Мой отец не вернулся за умирающей женой в старую страну только потому, что у него уже была очень живая и очень красивая жена в новой.

Неприятно осознавать, что фундамент твоего дома прогнил. Что вся ваша жизнь была построена вокруг решений человека, для которого вы просто постскриптум. Мы с бабушкой отказались от своей жизни, чтобы приехать сюда. Я пошла в школу, стала канадкой, выучила новый язык и забыла старый. Обрела совершенно новую личность, а все только потому, что у этого человека проснулось запоздалое чувство долга.

Наверное, все могло бы быть иначе, если бы она была другой. Но Джулия с того момента, как мы переступили порог ее дома, была чужеродным элементом. В ту первую ночь она спустилась по лестнице, не зная, куда смотреть в первую очередь: на четырехлетнюю девочку с грязными ручками на стеклянной панели дедушкиных часов или на старушку с редеющими седыми волосами, одетую как ведьма из сказки.

Бабушка встала позади меня и положила обе руки мне на плечи. Тогда я почувствовала первое урчание в животе, это была смесь голода и беспокойства. Nonna была не из тех, кто тратится на непомерно дорогие сэндвичи в аэропорту, и потому кормила меня только арахисом с тех пор, как мы сели на рейс в Неаполе.

Джулия подошла к нам. Она была не так высока, как показалось на первый взгляд, но так же красива. Ее ноздри походили на изящно вырезанные изгибы скрипки, а глаза были чистого, неестественно синего цвета. Интересно, подумала тогда я, не мешает ли ей это прозрачность глаз? Вдруг люди могут заглянуть через них в ее мысли? Она уставилась на меня сверху вниз, и мой живот начал сильно урчать.

Бабушка, все еще удерживая меня за плечи, прошептала по-итальянски: «Эта женщина будет твоей матерью, Сабин. Поздоровайся, пока она не решила, что ты глухонемая».

Я открыла рот, собираясь сказать что-нибудь, чтобы доказать, что я и правда была такой очаровательной, как говорили мне сестры-урсулинки. Но желудок считал иначе, и вместо слов из меня вышли потоки арахисовой рвоты. Горячие брызги попали Джулии прямо на грудь, пропитали тонкий вязаный свитер, намочили жемчуг и образовали лужицу на персидском ковре под ногами.

Не самое лучшее начало. Джулия взвизгнула, и отец оттащил ее от меня. Сначала бабушка зажала мне рот ладонями, пытаясь остановить рвоту, а потом всем телом, как щитом, закрыла от меня ковер.

Джулия заковыляла обратно к лестнице, отец вел ее половину пути, но потом вернулся и пинком распахнул дверь в дамскую комнату. Бабушка притянула меня к себе и держала мою голову над раковиной. После того, как я выдохлась, мы прижались друг к другу, окутанные запахом арахиса. Она осторожно плеснула водой мне на лоб:

– Все в порядке, – сказала она, глядя на меня в зеркало. – Могло быть и хуже. По крайней мере, теперь все закончилось. – Потом она сделала то, чего я никогда раньше не видела. Она улыбнулась.

* * *

Сбоку от дома загорелся свет, и я инстинктивно съехала за рулем, уверенная, что меня заметили. Появившаяся фигура направилась вниз по подъездной дорожке в свете фонаря. Она тащила что-то, издававшее громкий скребущий звук в тихую летнюю ночь.

Мгновение спустя Джулия вышла из тени. В свете уличных фонарей она казалась белой, почти призрачной. Я заметила, что она наконец-то постарела. Скульптурные черты лица опустились, волосы были туго зачесаны назад, поверх ночной рубашки было накинуто нечто, похожее на длинный кардиган. Это было удивительно, так как я никогда не видела ее иначе как полностью одетой и накрашенной. Даже никогда не видела ее без сережек. Я с облегчением

заметила, что она выносила мусор. Джулия дошла до тротуара, поставила мусорное ведро вертикально и повернулась, чтобы посмотреть на противоположную сторону улицы.

После того, как меня вырвало на нее, казалось, прошли дни, прежде чем мы увиделись снова. Она не ела с нами, не смотрела телевизор, только входила, выходила и бесстрастно поднималась на третий этаж. Рациональная часть меня осознавала, что, должно быть, трудно быть мачехой. Но я была ребенком без матери, а она не прилагала никаких усилий, чтобы наладить отношения. Отец всегда спешил оправдать ее, что в моих глазах делало их одной неприкасаемой единицей. Мне казалось, что я ненавидела ее в детстве, но, возможно, я ненавидела только то, что она забрала отца прежде, чем у меня появился шанс заявить на него права.

Она все еще смотрела вниз по улице. Интересно, не впала ли она в маразм, не ждала ли возвращения отца домой. Сейчас ей, должно быть, за семьдесят и наверняка будет трудно продолжать жить без помощи мужа. Лунный свет падал сквозь ветви старых деревьев и проходил через лобовое стекло, отбрасывая на мои руки четкие тени. Я подумала о том, как легко было бы избавить ее от страданий. Просто завести машину и нажать на газ, быстро сократив расстояние между нами, перелететь через бордюр, наблюдая в зеркало заднего вида, как ее белый кардиган взлетает в воздух, а тапочки приземляются на соседский газон. Вряд ли она ожидала бы такого.

Джулия не была классической жестокой мачехой, просто ее как будто не было вообще. Такой она была. Но не можешь же ты нападать на кого-то за то, что он тебя не любил, верно?

Только я не просто проигрывала ситуацию в уме. Мои фантазия и нервная система всегда очень неудачно синхронизировались. Фары были выключены, нога стояла на педали газа. Моя машина была довольно бесшумной, но я почувствовала, как она движется. Руки вцепились в руль, дрожащие беспомощные руки. Я выдохнула пары Шардоне, а белая, будто в саване, фигура все приближалась. Все, что мне оставалось сделать, это резко дернуть руль вправо, преодолеть бордюр и выйти на контакт.

Глава одиннадцатая

Ванда

Уже светало, когда я вытащила бюстгальтер из-под простыней и выбралась из кровати Пола. Он крепко спал в своей обычной позе, на спине, прикрыв глаза рукой. Я наклонилась над ним и на мгновение остановилась, изучая вздернутый нос, совсем не сходявшийся с его типом личности (которая, по прошествии трех лет знакомства, казалась мне кастрюлей на медленном огне). Даже не спрашивайте, что вообще можно угадать по носу. Но что еще остается, если имеешь дело с молчаливыми типами: они не дают тебе ничего, на что можно было бы опереться, и приходится проводить собственное расследование, чтобы сделать выводы об их характере, а потом, конечно, выглядеть душой, поняв, что они были ошибочными.

Я оделась и села за стол у окна, чтобы натянуть носки. Пурпурные краски утра разлились над озером Верхнее и полуостровом Сибли, будто стоящим на якоре в бухте. Полуостров представлял собой возвышающийся монолит суши почти в километре от берега. Его называли Спящим гигантом из-за профиля, вырезанного в скальной породе. Он был очень знаменит. Легенда Оджибве⁴, напечатанная на каждой футболке и кофейной кружке в сувенирном магазине отеля, гласила, что гигант когда-то был духом, который вошел в залив, лег на спину и превратился в камень, чтобы защитить местонахождение секретного серебряного рудника от белых людей.

Чего не сделаешь, чтобы сохранить свои тайны.

Прошлой ночью мы с Полом просмотрели кадры, снятые в гостиной Стеллы. Я смонтировала довольно грубое, но мощное продолжение видео Сабин о турбулентности в полете и ситуации в аэропорту. В то время как основной контент канала Sweet Rush был скорее легким и невинным, суровая реальность поднимала его на новый уровень. Из отснятого материала я выбрала фрагмент, который льстил бы чувствительности тети и подчеркивал уязвимость Сабин. Трогательное воссоединение, объятия тети, побледневшее лицо Сабин, когда она опустилась на покрытую пластиком мебель. Она по-прежнему выглядела прекрасно, Пол всегда заботился об этом. Я включила и потрясающую речь ее тети, расхаживающей по голубому ковру, и завершила фрагмент ее сетованием на дурацкую мемориальную службу вместо нормальных похорон.

Чего не удастся опубликовать, так это действительно хороших кадров: тетю, бранящую Сабин и предрекающую ей страшную смерть в одиночестве с обвисшей кожей и изуродованными татуировками. Этот материал я убрала в папку «Не для всех».

Наши еженедельные видео о выпечке требовали массы тщательной подготовки, профессионального освещения и многочисленных дублей, прелесть же бэкстейджа в подлинности. Такие видео быстрые и неаккуратные, для нас это отличная новость. Я планировала посмотреть отснятый материал и оценить реакцию Сабин еще до того, как она проснется, и определить ее следующий шаг в публичном пространстве. Звучит немного манипулятивно, но мы привыкли так работать. С Сабин что-то происходило, а я просто делала свою работу, чтобы ее запечатлеть.

В нашу первую встречу мы обе находились в затруднительном положении, и нам даже не пришлось в голову устанавливать границы. Ее карьера шла на взлет, ей нужно было быстро сформировать свой облик в публичном пространстве. Меня же обманули, обвели вокруг пальца, не оставили ничего, что я могла бы назвать своим.

⁴ Оджибве – народ индейцев, живущих на территории США и Канады.

Я всегда была из того типа людей, которых называют бесстрашными: училась в школе искусств, получила степень бакалавра в области политологии и степень магистра в области бизнеса и технологий. Моей диссертацией было приложение, которое использовало общедоступные, но упущенные из вида данные для прогнозирования дефицита сельскохозяйственной продукции и высоких урожаев по всему миру. Если вы никогда особо не задумывались о сельскохозяйственных закономерностях, то вы не одиноки. Раньше, когда приложение все еще было на стадии разработки, я понятия не имела, какую именно информацию хотела обрабатывать. Просто знала, что, найдя какую-нибудь интересную статистику, получу и основу для ее анализа. Некоторое время спустя я случайно наткнулась на брошенную кем-то книгу «Виды Земли с высоты птичьего полета», тысяча девятьсот пятьдесят пятого года, в учебном отделе библиотеки Робартса. Это был том цветных фотографий, сделанных с коммерческих самолетов, и меня поразили щедрые просторы послевоенной Америки, выставленные на всеобщее обозрение: золотистая пшеница, сочный табак, белоснежный хлопок. Камеры лгут, но грандиозный масштаб этих полей, напоминающих лоскутные одеяла, позволял оценить здоровье и надежность, с такой высоты нельзя скрыть гниение и запустение. Я изучила снимки, и, как и в случае с любой отличной идеей, части головоломки встали на свои места. Благодаря спутниковым фотографиям, записям о засухах и лесных пожарах, погодным условиям, уровню заболеваемости, протоколам профсоюзов и сообщениям о социальных волнениях – всему, что находится в открытом доступе, всему, что влияет на сельское хозяйство, – я смогла собрать базу данных об избыточных и скудных урожаях практически в любой точке мира. Я назвала приложение *Wheat Bump* и потратила следующие два года на сбор достаточного количества данных, чтобы запустить программу.

Мой научный руководитель связал меня с Odin, компанией-разработчиком в Монреале, которая могла бы помочь сделать прототип более совершенным. «Готовым к продаже», кажется, именно так они об этом говорили. Когда представители Odin приехали в Торонто, чтобы встретиться со мной, они рассказали о том, как *Wheat Bump* можно использовать для содействия социальным реформам и распределению продовольствия и помощи в преддверии стихийных бедствий.

Все, что должно было волновать такую прогрессивно мыслящую студентку, как я.

Я, должно быть, сказала какую-то глупость, что-то вроде того, что хочу делать что-то хорошее во времена, когда данные так легко подтасовать. Они улыбнулись на это и небрежно упомянули, что планируют открыть штаб-квартиру в Торонто в недавно отремонтированном здании фабрики по производству столов для пинг-понга. А еще, что я должна приходить к ним по пятницам на встречи с бесплатными закусками и конечно же настольным теннисом. Через месяц они позвонили, чтобы еще раз пригласить на встречу. Они наняли небольшой штат, чтобы якобы управлять несколькими достойными проектами, которые у них были. Забавно, но я ни разу не слышала ни о каком другом их проекте, кроме *Wheat Bump*.

Когда Odin начали обхаживать меня, стоило понимать, что я была для них чем-то большим, чем типичный проект по развитию студентов. Стоило понимать, что Odin не заботился о перераспределении излишков пшеницы в страны третьего мира. И самое главное – мне следовало трижды подумать, прежде чем продавать им прототип *Wheat Bump* за двести тысяч долларов.

Но, к сожалению, так я и сделала. Половину денег отдала отцу, чтобы он внес первоначальный взнос за дом, а потом уехала в Европу. Когда шесть месяцев спустя я потратила большую часть, мне написал научный руководитель. Odin был в новостях. Они разработали многообещающий инструмент для ставок на фондовом рынке под названием *Wheat Bump*. Проприетарное программное обеспечение помогало трейдерам оценить реальные риски – например, правильно ли будет отказаться от посевов евразийской манной крупы или вложить

значительные средства в корейскую сою. И Odin только что продали его Microsoft за сорок два миллиона долларов.

Глава двенадцатая

Сабин

Когда звонок гостиничного телефона пронзил сознание, я понятия не имела, где нахожусь. Он долго и мучительно трезвонил, прежде чем я доползла до края кровати и заставила его замолчать.

– Только не говори мне, что ты все еще дрыхнешь. Что ты за пекарь такой? – В голосе zio Данте не прозвучало ни радости, ни доброжелательности. Он всегда был очень занят, всегда готов к атаке и всегда в отвратительном настроении. То, что нужно в восемь утра, когда из-за наркотиков и алкоголя кружилась голова и болел желудок.

– Здравствуй, zio. – Я, должно быть, не разговаривала с ним с тех пор, как они с тетей расстались.

– И тебе не хворать, – заорал он. – Слышал, ты заявила на похороны отца со съемочной группой.

– Это должна была быть вечеринка по случаю годовщины. – Я свесила ноги с кровати и встала, проверяя, как поведет себя кишечник.

– И не говори. У меня тут сотня арендованных стульев и шатер, все нужно сложить и убрать. Я верну фейерверки, но итальянская группа доберется до Упсалы, прежде чем я им позвоню. Теперь нужно будет заплатить по крайней мере за один день.

Я услышала, как он запнулся и втянул жидкость обратно в носовые пазухи. Я была так занята, оценивая, смогу ли дойти до ванной или нет, что едва заметила, что Данте начал плакать.

– Ты в порядке, zio?

– Gesù Cristo, поверить не могу. Сорок лет мы работали вместе, бок о бок. Как братья. А теперь его нет. – Дядя трубно подул в нос. – Знаешь, что последнее он сказал мне в четверг? «Проследи, чтобы заказ на Криксайд был отправлен к пяти часам».

Я проковыляла в ванную, включила телефон на громкую связь и поставила его рядом с раковиной. Выглядела я невероятно плохо. Волосы были липкими с одной стороны и спутанными с другой: скорее всего, меня вырвало на подушку, а потом я перевернулась на ней во сне. Кожа опухшая и серая, глаза высохли как две черносливины в суфле.

И тогда я вспомнила кое-что действительно плохое, что натворила прошлой ночью.

– В любом случае, сегодня утром у меня есть пятнадцать минут свободного времени. – Дядя откашлялся. – Встретимся в пекарне через полчаса.

О нет. Прошлая ночь. Что случилось прошлой ночью? Я схватила телефон, но не разобравшись, как отключить громкую связь, просто начала говорить в него.

– Zio, ты знаешь, как там Джулия?

– Что значит, как она?

Что значит? Она жива? Или свисает с решетки радиатора моей арендованной машины? Дыхание стало настолько тяжелым, что я практически чувствовала, как оно расходится по ноздрям, оставляя в воздухе два инверсионных следа.

– Твой отец умер. Конечно, она не в порядке.

– А когда ты ее видел? В смысле, в последний раз. – Я вслепую сползла по шкафчику в ванной. На полу прижалась одной стороной лица к прохладной плитке.

– Не трать время на вопросы. У тебя двадцать минут, чтобы добраться до пекарни. – Хрупкость яичной скорлупы в его голосе исчезла, на ее место вернулись скользкие друг по другу металлические пластины.

– Я не могу, у меня нет машины, – соврала я.

– Твой кузен приедет через пятнадцать минут. – Он повесил трубку.

Я еще не распаковывала чемодан, что значительно облегчило сборы. Как раз этим я и занималась, когда в комнате появилась Ванда. Она стояла в дверном проеме в джинсовом комбинезоне и возбужденно перекатывалась с пятки на носок. По одному этому детскому жесту, перенесенному во взрослую жизнь, можно было судить о том, какая она была: о ее неспособности сдерживать или маскировать чувства и о том, как она все принимала близко к сердцу.

Когда она заметила мое лицо, ее собственное скривилось, будто она отразила им мое уродство.

– Думала, ты собиралась лечь пораньше, – сказала она, обводя взглядом кровать, на которой царил беспорядок, и открытый чемодан на полу. – Здесь сильно воняет, Сабин.

– Тогда особо не устраивайся тут, – бросила я ей и чуть не упала, влезая в штаны. – Поменяй наши билеты на утренний рейс.

Ванда бросилась вперед, чтобы помочь мне, но я отмахнулась от нее.

– Мне казалось, ты решила остаться.

– Ну а теперь решила уехать. – Я сбросила халат и начала искать рубашку в чемодане. – Мне еще нужно сходить в пекарню, но я вернусь через час.

– Ты хоть читала вчерашние комментарии? Положительные отзывы зашкаливают.

Я смотрела в зеркало над комодом, пытаясь натянуть рубашку. Клянусь, в правой части головы как будто засел топор.

– Встретимся в вестибюле. Через час, максимум через полтора. Арендованную машину можно вернуть прямо в аэропорту.

– Я быстро все смонтировала, видео с твоей тетей уже набрало более тридцати двух тысяч просмотров!

– Какое еще видео с моей тетей?

– Не волнуйся – там не весь разговор. Только та часть про неожиданную смерть твоего отца и про то, что он значил для других. – Широкие брови Ванды ободряюще поднялись домиком. – Это правда было так трогательно, Сабин.

– Какого черта, Ванда! – Я никак не могла найти отверстие для головы в блузке и на мгновение оказалась в ее ловушке, паника внутри только продолжила нарастать. – Ты не можешь выкладывать видео без ее разрешения.

– В обычной ситуации я бы и не стала, – отозвалась она, складывая руки на груди с таким самодовольством, что мне захотелось дать ей пощечину. – Но она твоя тетя и не подаст на тебя в суд. Мне кажется, что даже будет польщена.

Наконец и левая рука нашла опору, просунувшись сквозь рукав. Я подняла ее в знак того, чтобы она наконец-то заткнулась и загнула все пальцы, кроме трех.

– Купи три билета домой. Встретимся в вестибюле. Больше ничего не делай.

Глава тринадцатая

Сабин

– Выглядишь дерьмово, – заявил Энцо, подъехав на внедорожнике. Он слушал лучшие хиты Journey на большой громкости.

Я бросила сумочку на пассажирское сиденье перед собой.

– Правда, что ли? Даже не заметила.

– Я звонил в твой номер прошлой ночью, но ты не ответила.

Я решила не пристегивать ремень безопасности. Хотела было уменьшить громкость музыки, но руки слишком дрожали.

– Мне нужно, чтобы ты кое-что сделала. Видишь тот серый «Ниссан» у фонарного столба? Подъезжай к нему. – Он пожал плечами и отпустил педаль газа.

– Так где ты была прошлой ночью?

Я покусывала растрескавшиеся губы.

– Кажется, я убила Джулию.

Энцо кивнул, будто я не сказала ничего необычного.

– Понятно. Она в багажнике? – Он подъехал к накренившемуся «Ниссану», который теперь занимал два парковочных места.

– Нет, объедь вокруг. Впереди – мне нужно видеть, что там впереди.

– Сабин, что происходит? Ты же не делаешь из меня соучастника? – Я распахнула дверь еще до того, как внедорожник остановился, и спрыгнула, ноги заскользили по тротуару. Я опустилась на четвереньки перед арендованной машиной. Решетка из металла и полимера выглядела неповрежденной. Ни крови, ни волос, ни вмятины, ни даже клочка ночной рубашки. Кажется, все в порядке. Энцо вышел из машины и встал рядом со мной, расчесывая пальцами усы. – Ты же шутишь, да?

Я помнила, как прошлой ночью парковалась возле дома, помнила, как Джулия протаскала мусор по подъездной дорожке и поставила его на бордюр, все еще чувствовала педаль газа под дешевым сланцем. А потом внезапно снова оказалась на парковке отеля, обмотанная полотенцем.

Я подняла на него глаза и кивнула.

– Конечно шучу.

Он протянул руку и помог мне подняться на ноги.

– Тогда поехали. Ты уже опаздываешь.

– Сабин! Подожди!

Мы с Энцо оба повернулись ко входу в отель, где стояли Ванда и Пол, первая отчаянно махала рукой.

– Возьми Пола с собой! – крикнула она, толкнув его вперед. – Нельзя же проделать такой путь и не показать людям «Персидскую».

Энцо как маньяк гнал по деловому району в центре города, устраивая мне ускоренную экскурсию по причудливым малоэтажным зданиям моего детства. Некоторые из них были оживлены интерьерами кондитерских и бистро, другие же стояли напротив табачных лавок и тату-салонов. Оригинальное здание универмага Eaton в стиле ар-деко теперь стало центром телемаркетинга. За ним маячило казино.

– Ты не помогаешь моему похмелью. – Я схватилась за ручку над окном.

Энцо прикусил губу и вместе с ней усы.

– Я же говорил, мы опаздываем.

И тут до меня дошло. Он все еще боялся отца.

– Что ж, Маркус кажется клевым. – Я бросила взгляд на Пола на заднем сиденье, но вместо того, чтобы снимать, он держался за ручку двери, чтобы не упасть.

– Маркус классный друг.

– Но?

– Но он устал от всего этого. – Энцо не проверил зеркала, прежде чем перестроиться. – Ему надоело притворяться. Он хочет сменить свой статус холостого человека, разговаривает с рекрутинговой фирмой в Ванкувере.

– Какое отношение женитьба имеет к Ванкуверу?

– Он выдвинул ультиматум. Надо меняться, менять жизнь, двигаться дальше.

С этим не поспоришь.

– Не похоже, что твой отец не в курсе, что ты гей.

– Ну знаешь, он не то что знает, он *знает*. – Энцо уставился на желтый сигнал светофора впереди, нажал на педаль газа, и мы проскочили. – В прошлом году Маркус зашел кое-что занести в пекарню. Он попридержал дверь для меня, и это было прямо на глазах у ребят.

– О боже, твой отец, наверное, с ума сошел.

– Мягко говоря. – Энцо убрал руки с руля, закатал правый рукав и показал мне шрам, пересекающий его бицепс. – Мы со стариком немного увлеклись. Он держал мою голову над лопастями стационарного миксера.

– Господи Иисусе, Энцо! – Я схватилась за руль, чтобы мы не врезались в почтовый ящик. – Почему ты все еще там работаешь?

– А где еще мне работать? – Он смотрел на меня так, будто я задала самый безумный вопрос, который только можно вообразить. – Ты же знаешь, что я околачивался здесь, чтобы поучиться у твоего отца. – Энцо вновь взялся за руль и замедлил ход. – И вообще, не Данте управляет этим местом. Я точно знаю.

Нет, он просто владел им. Но я не стала об этом говорить. Я была не в том положении, чтобы вставать между Энцо и его отцом. К тому же мы приехали.

Если честно, я испытала легкий приступ ностальгии, когда мы въехали на парковку. Пекарня по-прежнему занимала целый городской квартал. Высоко над входом медленно вращалась вывеска пекарни, как и всегда. Ее распухшие очертания наводили на мысль о потрепанном дирижабле, который мог бы опуститься на проезжую часть Мемориал-авеню в особенно ветреный день. Обращенная к нам сторона вывески гласила: *Bennett's bakery*. Когда доска повернулась другой стороной, мы прочитали:

НЕТ НИЧЕГО ВОЛШЕБНЕЕ,

ЧЕМ «ПЕРСИДСКАЯ»!

Над надписью была изображена восьмилетняя я в образе джинна, скрестившего ноги и левитирующего, держа в руках розовую булочку.

Но вывеска не удержала мое внимание надолго. Само здание, некогда простое строение из красного кирпича, сделанное по меркам обувной коробки, претерпело кардинальные изменения. Фасад был срезан и заменен стеклянными стенами и потолком, достойными магазина *Apple*.

– Вау. – Это было первое слово, сказанное Полом с тех пор, как он сел в машину.

– Круто, правда? – Энцо повернулся, чтобы посмотреть на меня. – Мы немного поменяли все тут.

Внутри стеклянной коробки, вдоль здания, на виду у всех находилась конвейерная лента по производству «Персидской». Каждая деталь хромированного оборудования была извлечена из задней комнаты, отполирована до блеска и выставлена на всеобщее обозрение.

Пол опустил окно и поднял камеру.

Утром за «Персидской» всегда стояла очередь, но сегодня она тянулась от главного входа, пересекала фасад и огибала заднюю парковку.

– У вас такая очередь каждую субботу? – спросила я, впечатленная.

Усы Энцо дернулись.

– Они здесь из уважения. К твоему отцу. Или ты забыла, что он умер?

Я посмотрела на него в ответ.

– Как я могла забыть? – Но его слова были ударом под дых. Напоминанием о том, что теперь я, как и всегда, была аутсайдером. Нежеланной, ненужной.

Глава четырнадцатая

Сабин, 1990

Я была немного оглушена тем, что происходило вокруг. Грохот и свист машин казались зловещими, а люди, сидящие в них, – громкими обезьянами. Они не были очарованы мной, как женщины в кондитерской напротив. Отец усадил меня в конце длинного рабочего стола.

– Закатай рукава, Сабин. – Он указал на горку муки на столе.

Я не понимала, какое отношение мои рукава имели к выпечке, но подчинилась. Моя лучшая версия заключалась в том, что магия – способность превращать влажное тесто в горячий пористый хлеб – должна находиться где-то в рукавах моего маленького синего вельветового джемпера.

Это была идея бабушки – сводить меня в пекарню, чтобы вытащить из дома Джулии. С момента нашего приезда я стала меньше есть, что, как сообщит вам любая итальянская бабушка, является симптомом неизлечимой болезни. Но чего еще они ждали? Я сменила шумный общий стол девочек и юных послушниц в аббатстве на столовую, отделанную деревянными панелями, где обедали на фарфоре Royal Crown Derby и где отец начинал трапезу с того, что объяснял нам, почему Джулия на этот раз не присоединится. Бабушка никогда ничего не комментировала, просто склонялась над моей тарелкой, нарезаая мясо, которое поджарила. Она редко говорила хоть слово в пользу Джулии или против нее.

И вот сейчас, в мастерской пекарни, он сделал неглубокое отверстие в центре кучи муки и медленно влил туда молоко. *Facciamo un rozzo* – сделаем колодец. Способ приготовления хлеба из старой страны, до того, как миксеры взяли на себя эту роль. Я перегнулась через стол, наблюдая, как он опускает немного муки с краев в колодец, чтобы отверстие стало шире.

– Теперь давай мне вот это. – Отец кивнул в сторону, и я принесла ему миску с плавающим в масле яйцом. Он помог мне опрокинуть ее поверх муки.

Я подняла взгляд, глаза были обрамлены густыми волнами волос, которые бабушка пыталась заколоть мне за уши. Я не знала, что делать дальше. Отец не совсем улыбался, но на этот раз казался расслабленным. Как будто ему было приятно стоять рядом со мной, наблюдая, как яркий желток проскальзывает в середину муки.

– Это похоже на гору с озером посередине, – сказала я ему по-итальянски. – А яйцо – это солнце.

– Мне больше нравится твоя идея, – согласился он. – *Facciamo una montagna*.

Отец взял вилку и принялся взбивать внутренние стенки, пока они не обрушились на озеро и солнечный свет. Рельеф исчезал по мере того, как мука, молоко и яйцо превращались в шар из теста. Главная радость пекаря – взять небольшую сухую горку и создать податливую структуру.

– Готова замешивать?

Он посыпал рабочую поверхность мукой и показал мне, как использовать тыльную сторону рук, чтобы прижать и расплющить шарик. Мои крошечные ручки оставляли лишь маленький след в тесте, и мне приходилось становиться коленями на табуретку, чтобы дотянуться до всей поверхности. Отец помогал мне: после каждого оборота загибал дальний край теста обратно ко мне, снова скатывая горку.

– Знаешь, когда можно заканчивать? – спросил он. – Если при зажатии между пальцев тесто на ощупь как мочка уха – значит, готово.

Я подняла на него глаза, полные восторга от такой странной перспективы. А потом он сказал:

– Ты скоро пойдешь в школу, Сабин. Хочешь туда?

Я перестала месить.

– Нет.

– Продолжай, – ответил он. – Тебе придется пойти. Энцо два года, а он говорит по-английски лучше тебя. Ты же хочешь выучить английский, да?

– Нет, – снова отрезала я и сложила руки под столом. Почему он все портил своими разговорами о школе? Каким-то образом я интуитивно чувствовала, что за этой идеей стоит Джулия. Я не нравилась его жене-Мадонне, живущей на третьем этаже. Но поскольку она всегда была там, наверху, я иногда могла притворяться, что ее не существует. К тому же она не вела себя как жена. Zia Стелла готовила еду, пылесосила, стирала и кормила Энцо. Я видела Джулию только тогда, когда она спускалась по величественной деревянной лестнице к выходу, красиво одетая и источающая аромат духов, а еще когда она возвращалась и поднималась обратно на третий этаж. Каким-то образом ей удавалось не появляться в отрезок времени между этими событиями.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.